

Екатерина Коробова

ИНЫЕ ЗНАНИЯ



Абрикобукс

РУБЕЖ 2 СТИХИЙ

иллюстрации
Юлии Биленко

Тайная дверь

Екатерина Коробова

**Рубеж Стихий. Книга
2. Иные знания**

«Абрикобукс»

2023

УДК 82-7-93
ББК 84.8

Коробова Е. В.

Рубеж Стихий. Книга 2. Иные знания / Е. В. Коробова —
«Абрикобукс», 2023 — (Тайная дверь)

ISBN 978-5-6050493-2-6

Стоило только немного смириться с тем, что прежний мир рухнул навсегда, как за поворотом уже ждут непростые перемены. В обещанной помощи будет отказано в самый нужный момент, потерявшая память далла почти не может творить, среди тех, кому приходится верить, теперь – бывший враг, а значит, возможно, зреет новая опасность. Все ближе очередная война, а в Элементе опять вспыхивают кровавые мятежи. Мик понимает, что только Знание может вернуть в империю утраченную истину и восстановить порядок. Он не отступит в этой борьбе. Попытка довериться оборачивается страшным предательством, желанная победа в последний момент ускользает из рук, узнанная правда становится неподъемным грузом. Впереди – темные и страшные дни непростого пути, с которого так легко сбиться. Но остановиться или сойти – значит проиграть и позволить лжи взять верх. Дороги Дарины с Каем и Мика с Рут вновь расходятся, уводя все дальше, но идущих по ним объединяет общая цель и – вопреки всему – абсолютное нежелание сдаваться.

УДК 82-7-93

ББК 84.8

ISBN 978-5-6050493-2-6

© Коробова Е. В., 2023
© Абрикобукс, 2023

Содержание

Пролог	9
Часть 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Коробова

Рубеж Стихий. Книга вторая. Иные знания



vk.com/apricotbooks

t.me/apricotbooks



© Е. В. Коробова, 2020

© Ю. С. Биленко, 2022

© ООО «Издательство «Абрикос», 2023



...К любому исследованию, пожалуй, стоит приступать, начиная с истоков изучаемых событий. Сейчас, зная, к каким последствиям это привело, невозможно поверить, что завяз-

кой всей немыслимой истории стало появление Рут в Дубах. Точнее, если быть вѣдливее, – решение генерала Рыся, которое он принял за несколько месяцев до заветного дня воссоединения Мика и Рут. Но все же то был пока лишь замысел, один только сделанный выбор – предать Аврума Тысячелетника, своего императора, и восстановить правильный ход вещей в Элементе. Искрой же, из которой разгорелся пожар, мне все-таки видится именно та секунда: Рут, совсем еще юная, растерянная и напуганная, переступает порог Дубов и знакомится со своим настоящим даллом.

Искра становится робко тлеющим огоньком – и вот уже Дворы озаряются светом истинного творения, случайно возникшего во время учебного сражения в руках Рут.

Холодный ветер грядущих перемен усиливается, но пламя от него не гаснет, а лишь разгорается. Рысь и Элеонора, родители Мика, схвачены. Главный цензор Куница арестовывает все новых и новых мятежников. Мик и Рут вынуждены бежать в Себерию, но прежде они встречают Тима, бывшего когда-то одним из пары истинных даллов, и узнают о многовековом обмане Тысячелетников.

К ветрам, раздувающим костер, примешивается новый Воздух – предвестник предстоящих пепелищ. Дарина оказывается в Водных тюрьмах. Ей уже известна тайна о себе и Кае, ставшем ее надзирателем. Узнав правду от Дарины, он окажется на страшном перепутье, выберет послушаться своего отца Баста и спасти жизни – не только своей истинной далле, но и Лите, девочке-заключенной, для которой должен был стать палачом. Императорский советник Бартен тем временем ведет свою игру, до поры тайную – но в итоге его роль в происходящем невозможно переоценить.

Огонь, в котором суждено сгореть старому миру, распаляется все больше и больше. В земле снегов и леса Мик и Рут решаются вести за собой войско в битве за Знание – ключ к воссоединению истинных даллов, но прежде Мику придется вырвать Рут из страшных лап медвежьей тройки.

Приближается кровопролитная война Элементы с Себерией, империю все больше охватывают мятежи, Стихия неумолимо ускользает, небо окрашено кроваво-красным заревом...

И вскоре под сводами древних ристалищ суждено загореться новому Пламени.

Из черновых записей Таины, сделанных во время работы в книгохранилище

...В сущности, ристалища давно изжили себя. Миновав зарождение, при котором они представляли собой жестокие побоища, и расцвет, когда участники ристалищ достигали небывалого мастерства, они наконец превратились в то, что мы видим теперь. Опустевшие, забытые залы, в которых нет и отголоска бывшего величия. Любой творец по-прежнему может выбрать себе противника и вызвать на состязание, но многие ли в действительности сегодня так поступают? Наши битвы перекочевали в гостиные и танцевальные комнаты, где сражаться приходится исключительно на словах. После обучения во Дворах большинство творцов уже никогда в жизни не применяют боевых творений, в то время как кровь за их жизни будет проливать кто-то другой. Мы ослабли и изнежились, невозможность отказаться от участия в поединке страшит нас куда сильнее, чем бесславное, скучное существование. Ты, конечно, можешь назвать подобные настроения просто секундой уныния, и тогда я лишь попрошу тебя быть снисходительным ко мне.

И все же зачем-то Стихия хранит для нас арены ристалищ, сколь жалок бы ни был их вид сегодня. Мне удалось из любопытства побывать в одном из них недавно: хоть это звучит удивительно, там по-прежнему сохранились все Четыре. Пусть и очень слабое, их дыхание явственно ощущалось в обветшалых стенах, которые не пощадило время. Как знать, может, однажды ристалища вновь вернут себе бывшие величие и славу, озаренные ослепительным светом творений?

Из писем Тесея Ориону

1005 год от сотворения Свода

Пролог

1007 год от сотворения Свода,

1-й день первого летнего отрезка Элемента, Главный двор

Эрест

...Казалось, где-то под черепом настойчиво била крыльями маленькая бабочка, словно некрепко зажатая внутри горсти. С тех пор как Эрест принял в свои мысли Знание, это ощущение упорно преследовало его, стоило только очутиться среди творцов. Мгновение – и настойчивый зов в глубине сознания пробуждался, напоминая о себе вновь и вновь.

Вновь и вновь безрезультатно.

Вот и сейчас Знание внутри разума затмевало собой и громко игравшую музыку, и пляшущий свет огней, и тяжелый дымный запах, смешанный с приторным ароматом угощений на подносах. Лето в этом году было очень ранним, и праздник Огня в такую жару больше походил на медленную пытку, чем на торжество. Форменная рубашка чтящего насквозь промокла от пота, слуги-берущие разносили одни только сладкие хмельные напитки, усиливающие жажду и путавшие мысли. Эрест не прикасался к бокалам, хоть и чувствовал, что пересохший язык прилип к нёбу. Сейчас нужна была свежая голова.

Знание опять настойчиво напомнило о себе. Вedomый им, Эрест прикрыл глаза. Темноту прорезали десятки нитей – синих, зеленых, красных и белых, – взмывающих ввысь, оборванных, тянущихся в пустоту, как будто отчаянно ищущих чего-то. Всякий раз две находившихся рядом, одного цвета, сближались почти вплотную, но так и не соприкасались по-настоящему – унылый компромисс, на который идешь из неизбежности. И только там, в глубине зала, выделялась одна-единственная сияющая арка сплетенных жемчужного и алого, на фоне которой остальные меркли и терялись. В этом зрелище чувствовалось неожиданно много всего – тоски о правильном ходе вещей, ощущения несправедливости, потерянности и непреодолимого разрыва между теми, кто един и кто никогда не будет. Выдержать это долго было решительно невозможно.

Насколько проще все оказалось бы, обладай они Знанием целиком! Несбыточная мечта – иметь доступ к источнику, а не владеть всего-то одной чашей, в которой и осталось на дне... Эрест каждый день молился, чтобы этих крох оказалось достаточно: растраченные единожды, они будут утеряны навсегда. Поначалу он отчаянно искал – хорошо, пусть не младенцев: их Стихия настолько нестабильна, что на это имеющихся крупниц драгоценного Знания уж точно не хватит. Слишком много его когда-то ушло на Тима и Лину. Но сохранялась ведь надежда отыскать детей или подростков. Не могло же быть так, чтобы остатки Знания ни разу не указали им хотя бы еще одну пару? Хотя бы еще одну!..

Не могло же все быть зря.

Эрест сдержал разочарованный вздох и приготовился открыть глаза, когда вдруг где-то на периферии видения заметил сквозь мельтешение нечто непривычное. Тоненькая зеленая нить – удивительно яркая по сравнению с остальными – тянулась вверх, подобно прочим, но не обрывалась, а все росла и росла, дальше и дальше, пока не встречалась, казалось, далеко в небе над дворцом с еще одной, темно-красной.

Эрест раскрыл глаза и привалился спиной к колонне. Ноги почти не держали.

– Все в порядке? – голос Ориона прошепестел где-то сбоку.

– Пока не понял, – в горле пересохло так, что говорить было больно. Эрест, едва осознавая, что делает, опустил руки в маленький декоративный фонтан, стоявший тут же, неподалеку, и плеснул водой на лицо. Стало чуть легче.

Орион молча наблюдал за ним.

– Надо убедиться, – скорее себе, чем ему, объяснил Эрест и вновь прикрыл глаза. – Похоже, Стихия наконец смилостивилась над нами и Четыре благосклонны этим вечером.

Нет, никакой ошибки. Они были тут: еще не спаянные в единое целое по-настоящему, как Аврум с Марией, но все же нашедшие друг друга.

Понадобилось время, чтобы соотнести указания Знания с празднующей толпой творцов. Эрест то закрывал глаза, сверяясь с внутренним видением, то судорожно разглядывал окружающих, вертя головой. Счастье, что угол, где они стояли, скрывала тень и никому не было до них с Орионом особенного дела.

Первым он различил в толпе нужного творца Огня. Эрест напряг память: неприметное лицо казалось смутно знакомым. Совсем молодой парень, наверняка еще учится во Дворах, может, там они и встречались? Эрест, не таясь, рассматривал его из своего убежища: широкоплечий, среднего роста, внешность совершенно неброская, а насколько сильный творец, в таком скоплении Стихий, конечно, не разберешь. Одет, кажется, дорого – но разве это показатель на празднике?

– Ты, может, знаешь, кто вон тот юный творец Огня? – Эрест обратился к Ориону, указывая в нужном направлении. – Никак не могу вспомнить...

– Который? – Орион повернул голову.

– Вон тот, только что рассмеялся.

– Рядом с даллой в желтом платье? – спросил Орион и, увидев кивок Эреста, продолжил: – Знаю, конечно. Это Мик, сын генерала Рыся.

– Ох... – Эрест потер вспотевший лоб.

Милости Стихии оказались не безграничны. Договориться о предстоящем с главнокомандующим Аврума казалось если и не невозможным, то очень близким к этому.

Эрест едва не впал в отчаяние, пока, наконец, не разыскал нужную даллу. Пришлось даже побродить по залу. Орион молча шел за ним, изредка негромко здороваясь с кем-то.

Она стояла в самом дальнем углу, среди таких же юных творцов Земли, и, посмеиваясь, быстро-быстро рассказывала свою историю. Раскрасневшаяся, невысокая, с какой-то совсем еще детской округлостью в лице и фигуре. Пестрое платье, судя по виду, досталось ей в наследство – Эрест даже успел заметить крошечную заплатку на локте. Эту девушку так легко было представить склонившейся над грядкой или у постели больного.

Но никак не во Дворе Огня.

Просто немыслимо. Наследник генерала и она. Эрест знал, что ошибки быть не могло, но на краткий миг все же позволил себе предаться сладостному отрицанию. Вот они – истинные даллы?

Эрест все еще ощущал внутри биение Знания – казалось, оно взывало к тому, чтобы объединить этих двоих, восстановить правильный ход вещей. Он прикрыл глаза – просто чтобы уgomонить клочкотание внутри.

И теперь уже действительно чуть не рухнул на пол. Новая арка – подобная тугому сплетению Огня и Земли, если не крепче, только бело-синяя – смыкалась в темноте прямо перед ним.

– Не может быть! – по тому, как Орион опустил руку ему на плечо, Эрест понял, что сказал это слишком громко.

Он поспешно отступил назад, в тень. В этот раз у него было понимание, как искать нужных творцов, и он справился быстрее.

– Хвала Четырем!

Эресту хотелось расплакаться от счастья, когда он отыскал творца Воздуха. Он знал эту неуклюжую рыжую девочку, угловатую и будто всю состоящую из веснушек. Слава Стихиам и Праматери, это далла сына Троя, уже столько лет бывшего на их стороне, – тут и убеждать никого ни в чем не нужно будет. Осталось вот только узнать...

– Ох, нет!

А вот в этом уже чувствовалась горькая ирония или даже злая насмешка. Мальчика – творца Воды – он тоже знал, слишком хорошо, как и очень многие в Пределе.

Кай молча стоял в стороне от смеющейся компании, не подозревая, какое буйство устроило Знание вокруг него. Он угрюмо поглядывал в сторону веселья, не догадываясь, видимо, что все эмоции написаны у него на лице. Эресту почти хотелось его пожалеть, но мятежников ему сейчас было куда жалче.

Безнадежно. Совершенно немислимо представить, что удастся просто заикнуться Каю – или, чего безумнее, его отцу – об истинных даллах и не угодить при этом в Водные тюрьмы. Невозможно вообразить Баста, лично сжившего со свету столько мятежников, вдруг вступившим в их ряды. И Кай едва ли когда-то решится пойти против воли родителя, который на всю Элементу прославился своей жестокостью и властолюбием.

Нужно будет искать способ убедить генерала Рыся.



Знание забилося внутри в последний раз – отчаянно, обреченно, с горечью расставания навеки. И исчезло бесследно. Здесь его роль была исполнена, и силы теперь окончательно иссякли.

Мог ли Тесей, совершая клятвопреступление, унося с собой выкраденное Знание, догадываться, что его хватит вот так – даже с лихвой?

Что ж, оно было растрчено не впустую.

– Сразу две пары, – Эрест повернулся к Ориону. – Сам поверить не могу.

– А вторые – кто они?

Эрест покачал головой:

– Потом. Но это, кажется, безысходно. Рысь ведь скоро отправляется на войну?

Орион кивнул.

– Вот и хорошо. Мне все равно нужно в Себерию. – Эрест на миг прикрыл глаза. Под веками теперь была одна лишь чернота – привычная и немая.

Все должно было получиться. Просто обязано.

– Оно... – Орион взволнованно вглядывался в лицо Эреста. – Знание? Оно исчезло?

– Да.

Часть 1

1009 год от сотворения Свода,

20-й день первого зимнего отрезка Элемента, Элинта

Дарина

– Выметайтесь! Или кому-то уже обратно в столицу нужно? – рявкнул грузный надсмотрщик и тут же сам усмехнулся своему предположению. – Вы в Пределе точно никому не сдались, раз здесь оказались.

«Да если бы», – обреченно подумала Дарина, подхватывая на руки ослабевшую Литу.

Полет немислимо затянулся – судно кружило над Элементом больше недели. После долгого пути и тяжелого сна Дарину пошатывало, и она чуть не упала, когда спускалась с корабля, но ей никто не попытался помочь. Каким-то чудом удержавшись на негнущихся ногах, Дарина отошла в сторону, пытаясь справиться с головокружением.

Только теперь она поняла, что чувствовала там себя почти в безопасности. Кучка озлобленных бродяг-берущих на корабле выглядела далеко не так угрожающе, как солдаты Аврума, которыми город, похоже, просто кишел.

Дарина с Литой очутились на маленькой грязной площади, и ботинки мгновенно промокли от снежной каши. Вокруг кипела жизнь: горожане торопились по делам, маленькие воздушные корабли, очень хлипкие и старые на вид, взлетали и садились; из булочной, двери в которую то и дело хлопали, доносился запах свежего хлеба. Мелькали в толпе и темно-синие кители солдат императорской армии. До Дарины с Литой, казалось, никому не было дела.

– А вот и вы! – кто-то с такой силой хлопнул Дарину по плечу, что она вновь чуть не упала и не выронила Литу, которую и без того уже непросто было удерживать из-за усталости. – Тетушка заждалась, травяной отвар стынет. Чего же так долго?

Дарина обернулась. Перед ней стоял высокий усатый мужчина и широко улыбался. Она растерянно смотрела на него, пытаясь вспомнить, что ей говорили перед отлетом из Предела. Нужная фраза всплыла в затуманенном мозгу не сразу.

– Как бабушкино здоровье? – Дарина чувствовала себя очень глупо, справляясь о несуществующей старушке, от волнения голос немного дрожал.

– Отлично, ей не терпится увидеть вас в гостях! – обрадовался усач.

Дарина облегченно выдохнула.

– Идемте же, корабль тут, за углом, – продолжил новый знакомый.

Хвала всем Четырем, судно и правда оказалось совсем рядом. Как только они очутились внутри, все радушие и беззаботность разом слетели с лица мужчины.

– Вы больны? Ранены? Вас преследуют? – встревоженно спросил он.

– Мы очень устали и много дней провели в заключении, прежде чем оказались у мятежников. И я не видела, чтобы за нами кто-то следил, – Дарина сама не узнавала свой охрипший голос.

– Ладно, – сказал мужчина. – Тут лететь совсем недалеко. Меня зовут Ист.

Корабль действительно очень скоро приземлился на самой окраине города, у старого дома, сразу за которым начиналось бескрайнее снежное поле. Дарину охватило привычное беспокойство.

– Мы разве не полетим дальше? Я думала, нам нужно как можно быстрее покинуть Элинту.

– Нужно, – кивнул Ист. – Но Рубеж невозможно пересечь на воздушном корабле. Идем.

Задремавшая Лита заворочалась, когда Дарина вновь подхватила ее на руки. Но неожиданно Ист повел их не к самому дому, а к ветхому сараю за ним. Оттуда доносилось чье-то громкое сопение.

– Вьюга, это я! – громко крикнул Ист прежде, чем войти. – Угомони своих питомцев, мы готовы выезжать.

Дверь отворилась, и навстречу выбежала невысокая скуластая девушка в белом полушубке.

– Ура, наконец-то! – воскликнула она. И тут же охнула, переведя взгляд на Литу. – У нас неприятности?

– Вроде не слишком серьезные, – покачал головой Ист. – Вези их скорее к Дае, она разберется.

Вьюга задумчиво смотрела на них.

– Ну же, Вьюга! – поторопил Ист. – Время правда поджигает. Твои зверюги готовы?

Вьюга поспешно кивнула.

– Тогда выводите их. Пойдем, – обратился он к Дарине.

Они обогнули хлипкое строение. Оттуда доносилось негромкое рычание, в нос бил тяжелый запах мокрой шерсти.

– Не бойся, – успокоил Ист, распахивая ворота, к которым они подошли. Несмазанные петли противно заскрипели. – Они подчиняются Вьюге.

Но последовать совету было довольно сложно. Упомянутые зверюги оказались двумя белоснежными псами, до того огромными, что Дарине, захоти она дотянуться хотя бы до их носов, пришлось бы поднять руку. Впрочем, такого желания у нее не возникло.

Жуткие собаки были впряжены в сани под стать их размеру.

– Залезай! – Вьюга уже держала в руках поводья, приготовившись отправиться в путь.

Дарина окончательно перестала что-то понимать и даже успела подумать, что спит и видит кошмары. Однако выбирать особенно не приходилось.

– Ничего не бойся, ладно? – Вьюга повернулась к ней и ободряюще подмигнула, вторя словам Иста. – Я понимаю, так себе напутствие. Первый проход сквозь Рубеж забыть невозможно в любом случае. Но все будет хорошо.

Дарина кивнула, еще не догадываясь, на что ей пришлось согласиться.

* * *

После еды Дая заботливо протянула Дарине дымящийся ароматный отвар и осторожно погладила по плечу. Дарина едва не вздрогнула: ее до сих пор знобило после Рубежа и руки тряслись так сильно, что чашка чуть не упала на пол.

– С девочкой все будет хорошо, – сочувственно сказала Дая. – Она всегда так себя вела?

У Рубежа поднялся такой крик, что Дарина даже не успела толком испугаться перехода. Лита вопила, вмешивалась в чужие сознания, бесконечно создавая и обрывая мысленные связи, и Вьюге только чудом удавалось контролировать обезумевших зверозубов. В чье бы сознание девочка ни вторгалась, худо становилось абсолютно всем вокруг. Ее смогли успокоить, только оказавшись в доме, и теперь Лита, обессиленная, мирно спала в одной из дальних комнат. Дарина боялась даже представить ее пробуждение.

– Я не знаю, – призналась она. – Мы не были знакомы до Тюрем. До того, как пришлось бежать.

– Пусть спит, и тебе бы тоже пора отдохнуть, – Дая взглянула на часовник. – Успеешь еще наговориться и повидаться с остальными.

– Мик и Рут тоже тут? – Дарина вспомнила тот далекий вечер в Лисьих Лапах, когда впервые повстречалась с ними. Сколько же времени прошло...

Дая улыбнулась.

– Пока еще да. И Мирра с Риком, и Ласка. Все успеется. Пойдем, покажу твою комнату.

Спальня была совсем маленькой, но при виде настоящей кровати Дарина чуть не расплакалась от счастья. Поспешно поблагодарив Даю, она едва дождалась, когда закроется дверь, и сразу же легла, даже не откинув шерстяное покрывало. В полете Дарина то и дело проваливалась в тяжелый тревожный сон, но сейчас казалось, будто она не отдыхала уже несколько суток. Может, дело было еще и в отваре, который дала ей Дая, – веки закрылись сами собой.

* * *

...Это были, кажется, Водные тюрьмы, но камера выглядела огромной, просто бескрайней, как сам Океан. Дарина шагнула, ощущая под босыми ступнями мокрый песок. Секунду назад она была здесь совсем одна, только какая-то огромная рыба, хищная на вид, проплывала над головой. Но вот еще мгновение – и перед Дариной стоял Кай. Она попыталась приблизиться, но Кай, наоборот, оказывался все дальше и дальше, будто еще немного – и совсем исчезнет в темной соленой воде.

Он не мигая растерян и устал смотрел на Дарину.

– Они хотят моей смерти, – наконец сказал Кай и взглянул куда-то ей за спину, словно именно там и пряталась угроза.

– Я знаю, Кай, – Дарина поняла, что откуда-то и правда это знает. – Нужно что-то придумать.

– Ты просто так не сдаешься, – на лице Кая мелькнуло подобие бледной улыбки.

Дарина хотела ответить, но сверху раздался громкий влажный удар. Она подняла голову. Гигантская рыба била хвостом о купол над их головами, будто пыталась сломать древние творения.

– Кай... – новый удар, еще громче.

Шум все усиливался. Мир вокруг пошел трещинами, и Кай отдалился еще больше, превратившись в едва различимую точку.

Мгновение – и сон оборвался.

Дарина с трудом открыла глаза. Стучали к ней в комнату.

– Кто? – прочистив горло, спросила она.

– Извини, – за дверью послышался голос Выюги. – Лита проснулась и ищет тебя.

Дарина с силой потерла веки, под которые словно насыпали песка.

В душе крепло стойкое ощущение, что искала не одна только Лита. Каю действительно нужна была помощь.

* * *

Дарине потребовалось еще две ночи, чтобы убедить себя, что она не сходит с ума. В своих снах она была уверена, что и правда говорит с Каем, но наступало утро, а с ним приходили сомнения и голос здравого смысла, которые все же проиграли отчаянным мольбам о помощи.

Еще один день понадобился, чтобы решиться поговорить с Даей.

Они вчетвером как раз вернулись с улицы: Мик пытался показать Рут какое-то творение, и Дарина с Литой от скуки увязались за ними. Дарина уже пробовала побеседовать с Даей о том, что делать дальше, но та уходила от ответа, говоря всякий раз, что для начала надо окрепнуть после Тюрем.

Творения не получались, Дарина и не успела толком понять задумку Мика. Раз за разом в воздухе вспыхивал Огонь и тут же осыпался серым пеплом, пятнами оседая на снегу. Мик казался раздосадованным, Рут – печальной и растерянной. Раздраженно потирая продолговатый шрам на щеке, ее далл предложил попробовать завтра еще раз, но от тона, каким это было произнесено, даже Дарина невольно втянула голову в плечи. Рут совсем поникла.

Сложно было и представить, каково ей приходится после потери памяти. Дарина успела искренне пожалеть, что стала свидетелем нынешней сцены, пока молча брела за руку с Литой в сторону дома.

Дая сидела за столом в гостиной одна, перебирая пучки засохших трав. Дарина дождалась, пока Мик и Рут разойдутся по своим комнатам, и села напротив. Дая перевязала ниткой вместе несколько жестких стебельков и подняла взгляд.

– Я хочу поговорить, – Дарина уставилась на свои пальцы, покрытые невесть откуда взявшимися ссадинами и заусенцами.

– Хорошо, – Дая невозмутимо отложила работу и приготовилась слушать.

– Вы ведь знаете про Кая, да? – Дарина жалела, что не задала этот вопрос раньше. – Не можете не знать. Вы в курсе дел мятежников. Я же тут.

– Знаю, – Дая кивнула. – Орион тоже. Остальные пока нет. Не самая простая новость, согласись?

– Он помог нам с Литой бежать из Водных тюрем. Собственно, только благодаря ему мы и живы, – Дарина подцепила ногтем корочку на одной из ранок на указательном пальце. – А теперь... Я почти уверена, что он в беде. У нас ведь особенная мысленная связь, да? Мне кажется, я слышу его во снах.

– Мне сложно ответить точно, – Дая говорила очень спокойно. – Возможно, это и правда так.

Дарина не отрываясь смотрела, как крошечная алая капля медленно стекает вниз по пальцу. Когда только успела порезаться?

– Ему очень нужна помощь. Я знаю, *что* Кай делал раньше и из какой он семьи. Но он не заслуживает смерти. Пожалуйста, – Дарина решилась наконец поднять глаза на Даю. – Пожалуйста. Он может помочь нам здесь. Он услышит меня, зачем-то же он сохранил мне жизнь. Мы ведь такие же, как Мик и Рут, только...

Дарина не решилась закончить, вспоминая все, что видела этим утром. У Мика и Рут не получалось нормально творить.

Дая кивнула. Она протянула ладонь к ее руке и едва-едва прикоснулась к Стихии Дарины – подобным образом обычно и поступали мастера, чтобы напитаться силой, необходимой для творения. Вспыхнуло слабое зеленоватое свечение, и ранка исчезла. Под пристальным понимающим взглядом Дарине стало неловко, словно она только что выдала всему миру сокровенный секрет.

Но, кажется, этот разговор все же необходим. Нельзя было и дальше продолжать молчать: вдруг дал и правда в большой беде?

– Я обсужу это с Орионом. Посмотрим, что можно сделать, чтобы в Пределе Каю помогли. В конце концов, если это просто сны, если ты ошибаешься – ты всего лишь выдашь сведения несуществующему образу у себя в голове. Никто не пострадает.

1009 год от сотворения Свода,

23-й день первого зимнего отрезка Элемента, Предел

Кай

Хуже кошмарной тесноты здесь был только запах. Сгнившая пища, немытые тела, пленсень – Каю казалось, что он уже почти разучился дышать носом, но стоило немного забыться, и к горлу обязательно подкатывала тошнота. Это здорово помогало сэкономить на обеде.

Хозяин, бессовестно улыбаясь, спросил за ночлег втридорога – такая дыра просто не могла стоить этих денег.

– За молчание, – он смерил одежду Кая оценивающим взглядом. Хорошо хоть, удержался от прощупывания Стихии. – Идет?

Кай мысленно пересчитал монеты, которые ему дала перед побегом мать. С такими трагедиями долго не протянуть. Но если хозяин решит обратиться к цензорам, протянуть предстоит еще меньше.

– Идет.

Кай открыл крошечную раму почти под самым потолком, но лучше не стало: комната мгновенно наполнилась дымным чадом. Окно выходило на узкую улицу, грязную и шумную, как и все в этом районе – очень бедном и очень далеком от Дворов. Это сейчас было самым главным.

Кай лег и закрыл глаза, пытаясь поскорее провалиться в сон, но тревожные мысли все крутились в голове. Он стиснул в руках одеяло, от старости настолько истончившееся, что оно уже больше напоминало застиранную простыню. Нельзя было просто ждать по грязным ночлежкам, бесцельно блуждая по окраинам, пока не кончатся деньги. Необходимо что-то придумать, найти кого-то, решить, что делать дальше...

В Пределе не к кому пойти. А до других городов, где можно было затеряться, еще нужно добраться незамеченным, и Кай не имел представления, как это сделать. Стихия выдаст его при первой же возможности, и ведь его наверняка уже разыскивают.

Кай перевернулся на бок и зажмурился сильнее. Он старался убедить себя, что с Майей все будет в порядке, но мыслями то и дело возвращался к ней. Что, если кто-то из цензоров решит закончить начатое? Раз за разом Кай пытался придумать хоть один способ как-то помочь им с матерью или хотя бы узнать, что у них все хорошо и они добрались до безопасного места. Но все казалось неосуществимым. Кай многое бы отдал сейчас за весть о том, что Майя цела и пойдет на поправку.

В углу послышалось копошение, и он сразу же открыл глаза и сел. Две толстые крысы, нимало не таясь, занимались своими делами. Единственные, кажется, кому тут жилось хорошо и вольготно. Сам Кай все эти дни вздрагивал от каждого шороха, уверенный, что в следующую секунду откроется дверь, за которой окажутся пришедшие по его душу цензоры. Повсюду чудился тяжелый просоленный дух Водных тюрем.

Кай опустил голову на подушку и не мигая смотрел в угол, затянутый паутиной, пока глаза не начали слезиться и болеть. Тогда он прикрыл их, страхась предстоящих кошмаров и одновременно отчаянно желая поскорее провалиться в них.

Во снах, пусть порой и ужасных, он оказывался не один. Кай искал в них Майю, блуждал по ставшим вдруг чужими Речным Камням, спорил о чем-то с матерью – такой непривычно молодой в этих видениях, – но рано или поздно где-то вдалеке мелькала знакомая рыжая коса. Кай бросал все и устремлялся туда, преодолевая, как это бывает во снах, за миг огромные расстояния, совсем не чувствуя усталости. Дарина поднимала взгляд, улыбалась, и почему-то Кай точно знал: она правда его слышит, не может не слышать. Молчать или лгать ей тоже было невозможно.

Кай чувствовал: она в безопасности, им с Литой удалось добраться до убежища целыми. Это интуитивное, ничем, кроме снов, не подкрепленное знание было единственной светлой и ободряющей мыслью все эти дни.

...Сегодня Дарина тянула к нему руки, словно давно ждала встречи в этом усыпанном желтыми листьями незнакомом дворе. Непривычно радостная, с широкой улыбкой на разрумянившемся лице. Казалось, ей не терпится сообщить какие-то новости.

– Я помогу тебе, – только и успела сказать Дарина, и с неба посыпал снег, такой густой, что заполнил собой все пространство вокруг.

1009 год от сотворения Свода,

24-й день первого зимнего отрезка Себерия, воздушный корабль

Мик

Час был уже очень поздний, но, несмотря на усталость, заснуть не получалось. Мик с легкой завистью посмотрел на мирно спящую Рут. После нападения медвежьей тройки она все еще очень быстро уставала.

Из окна воздушного судна казалось, будто вся Себерия состоит из бесконечных лесов. Края, рассыпанные, словно бусины в ковре, не были хорошо различимы с такой высоты. Мик теперь знал, что это обманчивое впечатление и Себерия вовсе не те три дома в чаще, как рассказывают о ней во Дворах.

Дарина, сидевшая в соседнем кресле, что-то пробормотала сквозь сон и крепче прижала к себе Литу. Мик нахмурился.

Дарина хотела оставить Литу в Краю Ветра, под присмотром Даи, и Мик полностью ее поддерживал. Но при посадке на старенькое судно Лита мертвой хваткой вцепилась в Дарину и подняла страшный вой, вмешиваясь без разбора в сознание всех, кто находился рядом. Мик вздрогнул, вспомнив тот приступ мучительной головной боли и звона в ушах. Угмонить Литу получилось, только когда Дарина на руках внесла ее на борт, уверяя, что возьмет с собой. Мику оставалось лишь смириться.

«Возможно, так хочет Стихия», – зачем-то мысленно сказала ему Дая, когда они уже поднялись в воздух.

Мик ничего не ответил.

– Через пять минут садимся, – не оборачиваясь, громко сказал пожилой пилот, чье имя сразу вылетело из головы. – Будите спящих.

Лита от неожиданности вздрогнула и заплакала, подняв остальных. Рут испуганно заозиралась, вновь не понимая, кто она и где. Впрочем, с каждым разом такие моменты проходили все спокойнее.

Мик начал свой привычный рассказ о том, что с ними случилось за последние месяцы. Рут уже гораздо быстрее приходила в себя и не противилась его словам.

Пару дней назад, когда она наконец оказалась достаточно окрепшей, Мик, изнывая от неловкости, с помощью мастера связи впустил Рут в свои воспоминания о прошедших месяцах. Процедура изматывающая и не слишком приятная для обеих сторон, но Дая настаивала, что так Рут станет проще.

Оттого, что Мик изо всех сил старался скрыть свои обиды, разочарования и злость, одолевавшие его в те времена, воспоминания вышли скомканными и путаными. Обрывочные картинки Дубов, побега, общественного корабля и дней в Себерии заканчивались той жуткой ночью в лесу, когда ему пришлось одному сражаться с медвежьей тройкой, с трудом собирались в мало-мальски цельную историю. Если бы до того момента он не пересказывал все это раз за разом Рут, Мик и сам бы решил, что видит какой-то бредовый температурный сон, а не реальные события.

– Так вот как все было, – тихо прошептала Рут, когда воспоминания оборвались. – Вот как...

– Ага, – Мик не смел поднять глаз от пола, чувствуя, как сильно полыхают щеки. Думая о той ночи, он против воли вспоминал не только хищные оскалы тройки, но и каплю ягодного сока на губах Выюги. – Как-то так.

– Ты очень смелый, раз кинулся сражаться с ними, – кажется, Рут подошла и встала ближе. – И сильный. Спасибо.

– Ага, – вновь повторил Мик. Он уже просто мечтал сгореть от стыда прямо там, на месте, на радость Авруму. Все его колкие замечания и попытки игнорировать Рут теперь казались самому Мику очень глупым и детским поведением.

Как бы там ни было, обещания Даи сбылись, и воспоминания удивительным образом помогли Рут: она стала спокойнее и теперь, проснувшись, куда быстрее понимала, где нахо-

дится. Вот и сейчас в ее растерянном взгляде почти сразу отразилось узнавание и даже подобие робкой улыбки.

Дарина тем временем пыталась успокоить разбушевавшуюся Литу.

За бортом корабля их встретила черная морозная ночь и удивительная тишина. Очертания деревянных строений Края Озер тонули во мраке, но Мику показалось, что их раза в три больше, чем в Краю Ветра. Здесь, как и в прошлую войну, по-прежнему располагался лагерь себерийцев.

Постовой, встречавший на воздушной пристани, доложил, что их уже ждут. В этот час во всем крае горел огонь только в одном окне, и Мик с остальными направились туда.

Дома в Краю Озер мало отличались друг от друга: по обе стороны улицы тянулись двухэтажные деревянные бараки, выглядевшие прочными и вместительными, ничуть не похожими на разношерстные домики Края Ветра.

Идти пришлось недолго. Здорово было вновь очутиться в тепле после морозной зимней ночи. В комнате, куда их привели, стояли только большой стол, стулья вокруг и выдавшее виды кресло рядом со стихийным камином. Орион уже ждал.

– Нормально долетели? – спросил он после всех приветствий, отпустив управлявшего кораблем отдыхать. – Я слышал, надвигается буря.

– Видимо, мы успели ее обогнать, – ответил Мик.

– Отлично, – Орион посмотрел на Литу, вновь задремавшую на руках у Дарины. – В задней части дома ваши спальни, можете идти располагаться. Мик, только ты задержишься ненадолго, ладно?

Мик кивнул встревоженной Рут. Он опустился на один из шатких стульев, дожидаясь, пока останутся только они с Орионом.

– Хочу для начала тебя кое с кем познакомить, – Орион не сводил взгляда с двери комнаты.

Мик на секунду прикрыл глаза и откинулся на спинку стула. Усталость брала свое. Послышался стук.

– Заходи, – Орион подался навстречу вошедшему.

В проеме показался приземистый бородатый мужчина, в котором чувствовалась Стихия умелого мастера.

– Мик, познакомься, это Ярт, главнокомандующий нашей армией, – после короткого приветствия сказал Орион. – Он сам все тебе расскажет.

Ярт коротко кивнул и тут же принялся докладывать об обстановке в военном лагере. Он напомнил Мику отца: говорил так же коротко, четко, хорошо поставленным голосом и по существу. Слова человека, привыкшего командовать и нести ответственность за свои приказы.

Мик внимательно слушал, пытаясь не замечать усиливающуюся боль в висках. Ярт рассказывал о боевых подготовках, припасах, новобранцах и еще по меньшей мере о тысяче моментов, касающихся армии. Мик старался поспевать за ним мыслью, но разбирался в теме куда хуже, чем хотел бы. Орион, кажется, заметил это: он вежливо остановил Ярта и предложил отложить разговор на завтра. Дождавшись, пока за главнокомандующим закроется дверь, он вновь обратился к Мику:

– Извини, Ярту уж очень не терпелось познакомиться с тобой. Завтра осмотришься тут сам. Тебе вести этих людей за собой, пора привыкать. Но ты, наверное, понимаешь, что вы прилетели сюда не просто оценить силы нашей армии, – сказал Орион, садясь напротив.

Мик вскинул брови.

Он бы покровил душой, если бы сказал, что не ожидал чего-то подобного. Уж больно легко Дая, столько раз отказывавшая или уходившая от ответа на просьбы показать Край Озер, вдруг дала добро на этот полет.

– Дело в безопасности, да? – голос Мика звучал сухо, как будто они всё еще обсуждали погоду. – После нападения медвежьей тройки в Краю Ветра больше нельзя находиться?

Орион покачал головой.

– Не только в ней. Хотя, конечно, ты прав. Вам с Рут нужно было покинуть край.

Мик с тоской подумал об опустевшей комнате, которую он несколько месяцев делил с Риккардом. Еще одно место, куда ему теперь не вернуться надолго.

– Так где же тогда? – Мик постарался прогнать подальше грустные мысли.

Орион тяжело вздохнул. Видно было, что этот разговор дается ему совсем не просто.

– Вы с Рут не единственные настоящие даллы, которых удалось обнаружить.

Это было сказано очень тихо, но Мик почувствовал себя оглушенным.

– Почему тогда?.. – он даже не успел понять, какой из десятка роившихся в голове вопросов собирался задать.

Орион не дал ему закончить.

– Позволь я завершу. Думаю, теперь ты понимаешь, что Дарина приехала сюда тоже не случайно. Рут может восстановиться после нападения медвежьей тройки, но на это нужно время, которого у нас не слишком много. И неизвестно, заживут ли до конца ее руки, – он вновь жестом остановил собирающегося спорить Мика. – Я знаю, что твои творения с каждым днем все сильнее. Но вдруг этого будет мало? Вам нужна помощь.

– И кто же? – Мик прокашлялся, в горле у него пересохло. – Он приедет сюда? Дарина знает?

Все вставало на свои места. Вот почему Дарине не подыскивали убежища поближе и вот зачем Дая так настаивала, чтобы она летела сюда вместе с ними.

– Вы поможете даллу Дарины добраться до Себерии. – Орион помолчал, задумчиво глядя на огонь. – Он в беде. Но мало у кого достанет сил противостоять сразу двум парам истинных даллов. Да пробудет с вами Стихия и да поможет она вам.

– Так кто же? Я что, его знаю? – Мику начинало не нравиться, как Орион медлит с тем, чтобы назвать имя.

1009 год от сотворения Свода,

13-й день первого зимнего отрезка Себерия, Край Озер

Дарина

Завтра все наконец решится.

Дарина устало потерла глаза и покрепче зажмурилась. Она злилась на себя за глупое волнение, мешавшее отдохнуть. Утром ведь понадобятся силы.

Кай не выходил на связь и не появлялся в снах Дарины уже три дня. Когда бороться с самыми плохими подозрениями стало просто невозможно, она решила на разговор с Орионом и Миком. Как оказалось, в этом уже не было необходимости. Старательно избегая встречаться с Дариной взглядом, Мик рассказал, что завтра им предстоит пересечь Рубеж и помочь Каю. В его тоне было столько неприкрытой подозрительности и злобы, что Дарина невольно отшатнулась в первую секунду. Стоило ожидать чего-то подобного по отношению к Каю, но осадок от этой беседы все равно остался крайне неприятный.

Дарина перевернулась на другой бок. На соседней кровати свернулась клубочком спящая Лита. Дарина тихонько вздохнула. Еще одна трудность и причина раздражения Мика. Стоило Дарине пропасть из виду, Лита поднимала страшный рев и становилась по-настоящему опасной для окружающих, вмешиваясь без разбору в чужие сознания. У всех, кому не повезло оказаться рядом, начиналась дикая головная боль и уши закладывало от визга. Дарина никогда прежде такого не видела. Все мастера связи, которых она знала, освоили ремесло уже во взрослом возрасте и умели себя контролировать, а Лита обладала уникальным даром, обернувшимся проклятием для всех остальных. Дарина и сама понимала, что ребенку, особенно такому, как

Лита, не место на грязных палубах общественных воздушных судов или в военных лагерях. Но бросить ее в Пределе значило бы обречь на верную смерть.

Дарина содрогнулась, заранее представляя, как завтра придется оставить Литу на попечение Эи, местной тощей и ворчливой кухарки.

Дарина наудачу попробовала выйти на связь с Каем еще раз. Тишина. Орион объяснил, что в Элинте, вблизи Рубежа, из-за силы Стихии слабые мысленные связи могли гаснуть. Но с той же вероятностью это могло значить и то, что Кай уже попросту мертв.

Он начал мысленно говорить с Дариной днем, не во снах, не так давно, когда расстояния наконец позволили. Связь была прерывистой и непрочной, но и она могла существовать в такой дали только у настоящих даллов. Когда Дарина впервые услышала у себя в голове голос Кая, то едва не разрыдалась от облегчения. Он был жив, со всем остальным они справятся.

Дарина вспомнила все их беседы – сухие, отрывочные, скомканные. Кай просто говорил, что цел, и сообщал, где находится. Пересек Центральные Земли. Остановился в ночлежке в Земле Болот. Раздобыл билет на корабль до Элинты. Путь сюда оказался куда сложнее и запутаннее, чем у Дарины. Один раз Кай коротко поблагодарил ее за то, что она ответила на его просьбу о помощи, и тут же оборвал связь. Не спрашивал, как она или Лита, почти ничего не рассказывал о себе. Дарина до сих пор даже не знала толком, почему он решил бежать, хотя тогда, в Водных тюрьмах, твердо намеревался остаться.

Нахлынувшие воспоминания о днях заключения незаметно превратились в сны, обычные, ее собственные. На этот раз Дарине привиделось, что стены камер заледенели (в их с Литой спальне к рассвету порой становилось совсем холодно) и выбраться на свободу можно было, просто пробив потолок.

Бесцветное зимнее утро подкралось незаметно. Из-за волнения Дарина совсем не чувствовала усталости. Хвала Четырем, ей удалось бесшумно собраться и ускользнуть, пока Лита еще спала.

За ночь метель, бушевавшая до этого несколько дней, наконец улеглась, в прояснившемся небе догорали усталые звезды. После затяжной бури казалось, прозрачный воздух настолько налит тишиной, что шаги Дарины слышны на другом конце Себерии.

Мик и Рут уже ждали у воздушной пристани. Заспанная Рут приветливо улыбнулась Дарине. Мик лишь коротко кивнул и сразу же сделал вид, будто высматривает кого-то вдаль.

– Ждем Выюгу и ее зверозубов, – ответила Рут на молчаливый вопрос Дарины. – На воздушном судне Рубеж Стихий мы не пересечем.

Дарина невольно поежилась, вспомнив свое знакомство с Рубежом.

– Мы поедем одни? – Дарина старалась, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее.

– Нет, – Мик резко повернулся и недовольно посмотрел на нее. – Своими жизнями ради твоего приятеля вызвались рискнуть еще пятеро.

Дарина вздрогнула, как от пощечины. Злые слова уже готовы были сорваться с языка, но она сдержалась. Мик взглянул на Дарину и, кажется, смутился сам.

– Извини, – он опустил голову и сосредоточенно принялся пинать ногой снег. – Это было грубо.

– Ничего, – Дарина попыталась улыбнуться. – Я не представляю, как вела бы себя, если бы мне пришлось встретить здесь Майю, например. Или кого-то из тех, кто мог истязать Флама.

Мик невесело усмехнулся.

– Орион считает, что нас такая толпа просто для перестраховки. Если бы Кай был в серьезной опасности, худшее давно бы уже произошло, – Рут тоже постаралась сгладить хамство Мика. – Остальные пятеро полетят на корабле. Мы с ними встретимся у Рубежа.

Дарина молча кивнула. К ее огромному облегчению, вскоре показались знакомые сани. Ей очень нравилась бойкая и жизнелюбивая Выюга. Даже сегодня, несмотря на ранний час, она весело щебетала о свежих новостях из Края Ветра и нахваливала своих чудовищных питомцев.

Дарина слушала вполуха, радуясь, что про нее на время позабыли. Вскоре сани тронулись, и все замолчали.

Они ехали сквозь заснеженный лес путями, известными только Вьюге и ее псам. В какой-то момент у Дарины начала кружиться голова от бесконечного мельтешения белого, коричневого и зеленого, и она прикрыла глаза. Попытка наудачу связаться с Каем ни к чему не привела.

Дарина провалилась в дрему без сновидений и очнулась, когда кто-то начал осторожно трясти ее за плечо.

– Приехали, – раздался голос Рут.

Дарине потребовалось несколько секунд, чтобы понять, где она, и выбраться из повозки. Их сани стояли посреди бескрайнего снежного поля. Впереди, в паре десятков шагов, возвышался Рубеж, воздух вокруг него будто слегка подрагивал. Дарина вновь удивилась, как такое неприметное и ветхое на вид сооружение может обладать подобной силой.

У Рубежа уже ждали пятеро добровольцев, о которых говорил Мик. Пара немолодых даллов и еще трое мужчин-мастеров, все в неприметных шерстяных куртках – рабочей форме жителей лагеря. Они поздоровались и представились, но от волнения и головной боли Дарина сразу же забыла их имена.

Она убеждала себя, что теперь знает, чего ждать, и пересечь Рубеж будет не так страшно. И все же внутри холодело от необходимости вновь уйти в Стихию и вернуться назад. Как тут было не проникнуться еще большим уважением к Вьюге, проделывающей это раз за разом большую часть жизни.

К секунде смерти невозможно подготовиться до конца. Дарина не сдержала испуганного крика, но он мгновенно утонул в другом шуме, нескончаемом и всеобъемлющем. Темнота сменилась светом слишком быстро, на какой-то миг показалось, что глазные яблоки лопнут от ослепительной белизны снега и боли в висках. На негнувшихся ногах Дарина кое-как выбралась из саней, радуясь, что не успела позавтракать.

Вьюга переправила всех в два захода. Почти сразу же после того, как они пересекли Рубеж, в ясном утреннем небе показался воздушный корабль.

– Это за вами, – кивнула в его сторону Вьюга. – Я буду ждать тут. Да поможет вам Стихия.

1009 год от сотворения Свода,

13-й день первого зимнего отрезка Элемента, Элинта

Кай

В маленькой таверне на окраине Элинты было очень душно. Стихийный камин, как подозревал Кай, требовал починки, и воздух от дыма сделался горьким. К нему примешивались запахи горячего жира с кухни и терпкий пряный аромат ягодной настойки, которую здесь подавали к каждому блюду. От всего этого рано или поздно неизбежно накатывала головная боль и хотелось поскорее оказаться на улице.

Кай уже полчаса гипнотизировал шербатую чашку с хмельным питьем, но и не думал притрагиваться. Ему нужен был ясный ум.

Добраться до Элинты оказалось проще, чем он предполагал: странно было доверять советам из снов, но они не обманули. Кай и сам не понял, как так вышло, что он просил Дарину о помощи.

Вздрагивать от каждого шороха и, перебираясь из ночлежки в ночлежку, ждать, когда кончатся деньги, – или довериться Дарине из сновидений. Решение напрашивалось само. Кай не раздумывал долго: за последние месяцы произошло столько всего немыслимого, что даже такой выбор выглядел не слишком безумным. В указанный день он, внутренне умирая от страха, неловкости и ощущения нелепости всего происходящего, отправился в дом, о котором говорила Дарина.

С Каем никто не вел себя особенно приветливо, но ему помогли скрыть Стихию и попасть на корабль. Потом пересесть на другой. Весь путь везло, если хоть что-то в нынешней жизни можно было считать везением: контролеры, владельцы ночлежек, городская охрана оставались совершенно равнодушными к нему. В Элинте оставалось только ждать – пересечь Рубеж в одиночку у него бы точно не вышло.

Он провел здесь уже почти три дня, и все это время чутье подсказывало, что опасность совсем рядом. В грязной комнатке над таверной, которую ему без лишних расспросов сдал грубый неразговорчивый хозяин, удавалось заснуть только под утро. Кай знал: за ним следят. Он пытался себя убедить, что на него давно бы уже напали, если бы ставили перед собой такую цель. Значит, возможно, это та самая помощь и защита, о которой упоминала Дарина. Но спокойнее не становилось.

После того как исчезла мысленная связь с ней, стало совсем паршиво. Кай не хотел себе признаваться, но это общение – единственное, которое у него сейчас было, – здорово скрашивало серые, наполненные страхом дни. Каждый раз он до последнего сдерживался, убеждая себя, что ему не нужны никакие разговоры с кем бы то ни было, за исключением Майи. И каждый раз желание услышать в голове тихий голос Дарины, полный плохо скрываемой тревоги, оказывалось сильнее.

Кай опустил руку в поясную сумку и нащупал оставшиеся деньги. Пять имперских монет. Можно не ужинать, и тогда хватит еще на сутки. Если ему не помогут пересечь Рубеж до следующей ночи, он окажется на улице. Заночевать здесь под открытым небом и не замерзнуть насмерть вряд ли удастся.

Погруженный в эти невеселые думы, Кай не сразу заметил, что народу в зале прибавилось. Колокольчик, висевший над входной дверью, то и дело звонко бренчал, и в таверну врывались холодные сквозняки. Один такой сильный порыв вывел Кая из оцепенения. Очнувшись от тяжелых мыслей, он рассеянно осмотрел сидевших в зале.

Сердце забило чаще.

Через стол от него склонилась над миской с сухарями знакомая рыжеволосая голова.

Кай попытался успокоиться, стараясь ничем не показать своего волнения и не привлекать к себе внимания.

«Дар...» – слова путались. Кровь громко стучала в ушах.

«Я уже переживала, что ты не заметишь».

В ее голосе Каю почудилась радость, и он, злясь на себя, едва сдержал глупую улыбку.

«Я боялась, что ты шумно отреагируешь, если я позову первой», – извиняющимся тоном прибавила она.

«Кажется, за мной следят», – Кай старался звучать как можно равнодушнее.

«Знаю, – Дарина повернулась к соседу по столу, и Кай узнал Мика и Рут, сидящую рядом с ним. – Поэтому мы тут».

У Кая все похолодело внутри. Он был прав.

«Почему тогда я все еще жив?» – вопрос сорвался прежде, чем он успел его обдумать.

«Думаю, они выманивали нас всех. Ну, или ждали удачного момента, когда ты точно не окажешься под защитой».

«Ясно. Ладно, цел, и на том спасибо».

Это, наверное, был самый долгий их разговор за все время.

«Через пару минут выходи во двор прогуляться, – продолжала Дарина. – На углу, через три дома, тебя ждут двое творцов. Мы пойдем следом».

Кай подождал, сколько было оговорено, и расплатился с хозяином, переживая, что дрожь в руках выдаст его. Но тот если что и заметил, то, видимо, списал на чрезмерное увлечение ягодной настойкой.

Стоило Каю выйти за порог, за спиной раздался женский вскрик, и сразу следом громко и грязно выругались мужским голосом. Кай на секунду задумался. И повернул обратно.

Драка вот-вот должна была начаться. Сразу стало понятно, что кричала Дарина, – какой-то небритый здоровяк держал ее за вывернутые за спину руки. Плечом к плечу рядом с ним стояла пара творцов, готовых к сражению. Вокруг Мика и Рут плотным кольцом сгустилась Стихия, за их спинами возникла подмога из трех незнакомых мастеров. Остальные посетители неподвижно застыли за столами.

Все взгляды устремились на Кая.

– Тебе же велено было уходить, – зло швырнул Мик.

Кай даже не повернул головы в его сторону. Он не сводил глаз с Дарины, отчаянно пытавшейся выбраться из лап захватчика.

– Соберем всю команду, – один из здоровяков неприятно ухмыльнулся и потер руки. – Куница будет рада.



«На счет «три», – сказал Кай. Он чувствовал парализующий страх Дарины почти как свой собственный. – Посмотри на меня. Все будет хорошо».

Дарина подняла на него затравленный, отчаянный взгляд. Кай кивнул.

Со временем пьянящее чувство Стихии, огромной, как сам мир, странным образом стерлось у него из памяти. Как будто это было воспоминание не о чем-то реальном, а о красочном дурманящем сне. Кай прекрасно помнил звучание их с Майей Воды, но после побега Дарины он не слышал в себе ни единого отголоска тех не воплощенных в тюремной камере творений.

Однако в секунду, когда он досчитал до трех, жизнь опять рухнула и раскололась надвое. Казалось, некая пелена спала, и окружающий мир наконец-то снова обрел настоящую силу, объем и цвет.

На этот раз можно было не сдерживаться и позволить намерению воплотиться. Кай не очень понимал, где заканчивается его Вода и начинается Воздух Дарины, но это совсем не мешало. Творение сбило с ног захватчика даллы. Стихия бушевала вокруг, и сам Кай словно стал ею. Краем глаза он видел, как Мик и Рут приготовились творить, но дальше все потонуло в безумном танце беснующихся Воды и Воздуха. Вокруг неистовствовала буря – порывы ледяного ветра с дождем били с такой силой, что сшибали с ног, в ушах шумело. Каю стоило больших усилий разглядеть среди обломков мебели Дарину и остальных и попытаться их защитить.

«Остановись!»

Кай не понял, кричала Дарина вслух или только у него в мыслях. С огромным трудом он зажмурился и приказал Стихии утихнуть.

Дарина вторила ему, и, пусть не с первого раза, Вода и Воздух подчинились. Они отступали нехотя, как будто томились в неволе слишком долго и теперь боялись быть запертыми вновь. Постепенно шум стих, и Кай решился открыть глаза.

Зрелище было жутким. Среди обломков мебели и остатков разрушенных стен лежали искалеченные тела обидчиков, кто-то громко стонал. Захватчика Дарины придавило обвалившимся потолком – из-под глыбы торчала только неестественно выгнутая огромная рука. Уцелевшие посетители таверны в немом ужасе оглядывались, не решаясь двинуться с места. В углу язычки пламени плясали над тем, что осталось от стихийного камина. Здание было разрушено. Пахло сыростью, холодным ветром и кровью.

Посреди того, что раньше было комнатой, застыли невредимые Мик, Рут, Дарина и трое неизвестных Каю мастеров. Стихия подчинилась и пощадила их тоже.

Первым в себя пришел Мик.

– Бежим, – он схватил оцепеневшую Рут за руку. – Сюда скоро придут остальные. Ягода и Стин должны были подготовить воздушный корабль.

Каю казалось, будто это не он сам, а кто-то другой спешит по заледеневшей улице, то и дело теряя равновесие и спотыкаясь. Со странным равнодушием и спокойствием постоянного наблюдателя он отмечал, как горят от быстрого бега легкие и до костей пробирает озлобленный себерийский мороз, как нелегко удержать поскользнувшуюся Дарину и не упасть самому. Все это как будто просто не могло быть правдой.

Им вслед оглядывались и даже что-то кричали, но ни один из них не замедлился. Как и говорила Дарина, бежать было совсем недалеко. Какая-то минута – и двое испуганных немолодых творцов уже вели их в неприметный грязный двор, где на тесной воздушной пристани ждало судно.

Кай откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Силы резко покинули его, все внутри дрожало. Картины разрушенной таверны и искалеченных тел безостановочно мелькали в голове, отчего становилось совсем тошно. В каком-то дальнем углу сознания Кай отметил, что они взлетели, но он все равно не почувствовал себя в безопасности.

Первой мыслью Кая, когда его схватили за плечи, было сразу же напасть в ответ. Но он открыл глаза, и оказалось, что мир состоит сплошь из рыжих непослушных прядей, лезущих в нос и в рот, и что-то разглядеть за ними решительно невозможно. В следующую секунду на шее, сразу под ухом, сделалось тепло и мокро. Дарина, не стесняясь, шумно плакала.

Кай растерялся, не зная, как поступить. Майя ненавидела, когда кто-то заставлял ее в подобном состоянии. Он хорошо помнил, как она всякий раз надменно покидала комнату, закусив нижнюю губу, чтобы не разрыдаться. Но Дарина, громко всхлипывая, явно не пыталась скрывать слезы – ворот его рубашки совсем промок.

Помедлив пару мгновений, Кай все же обнял ее за трясущиеся плечи. Все слова утешения казались ему невозможно глупыми, неуместными и неправильными. Его самого до сих пор колотило от произошедшего.

Второй рукой он осторожно пригладил волосы Дарины, мешавшие ему дышать, и повернулся к окну. Внизу стремительно уменьшались узкие кривые улочки Элинты. Вскоре их сменили бескрайние хвойные леса, напомнившие Каю вечернее море, видневшееся из окон спальни Майи. Он чувствовал, как Дарина постепенно успокаивается и затихает, но так и не решился убрать ладонь.

1009 год от сотворения Свода,

1-й день второго зимнего отрезка Себерия, Край Озер

Рут

– Я знаю, как вывести их. Дарина может подтвердить.

Дарина кивнула.

Рут не сводила со своего далла встревоженного взгляда, но он молчал, крепко стиснув челюсти и отвернувшись от Кая.

– А наши родители? – наконец решилась спросить Рут, так и не дождавшись ответных слов Мика.

– И мои родные... – умоляюще почти прошептала Дарина.

– Нет, – Кай покачал головой. – Только Лика и Лайм. Я не был на остальных допросах и не имею ни малейшего представления, где их камеры. В Водные тюрьмы нельзя идти наугад.

– Ну да, как тогда объяснишь своим приятелям, где нас поджидать, – зло прошипел Мик, по-прежнему не глядя в его сторону.

– Слушай... – Кай начал было что-то говорить, но прервался. Рут заметила, как Дарина успокаивающе коснулась его плеча.

Рут знала, что Мик был измотан. Дни в Краю Озер давались им тяжело, на далла без конца сыпались новые и новые задачи, Рут все чаще ощущала себя совершенно бесполезной. Не хватало запасов, большинство бойцов плохо обучены, а Себерия, по словам Мика, оказалась совершенно не готова к атаке. Оставалась надежда на то, что новые силы продолжат прибывать и каким-то чудом удастся выиграть время и подготовиться получше. Хуже всего дело обстояло с воздушными судами – их производство строго контролировалось императором, детали доставались ценой огромных усилий, и именно кораблей не хватало больше всего.

Но даже это и близко не стояло с их провальными попытками создать хоть одно достойное творение в паре. Мик всякий раз впадал в такую мрачную раздражительность, что к нему и приближаться не хотелось.

И все же никакие взвинченность и усталость не казались Рут достаточной причиной, чтобы сначала ценой подобного риска везти Кая в Себерию, а потом открыто враждовать. Она совсем не помнила их с Дариной по прошлой жизни, но теперь эти двое тут, на их стороне. И Кай может помочь спасти Лайма.

– Сколько человек тебе нужно, чтобы попытаться их освободить? – спросила Рут, чуть подавшись вперед. Мик, не привыкший, чтобы она интересовалась подобным, взглянул озадаченно и недовольно.

– Есть тропа, которой бежала Дарина. О ней мало кому известно. И я знаю примерное расписание надсмотрщиков. Думаю, хватило бы, ну, скажем, пятерых – совсем для надежности, – с сомнением произнес Кай.

– Исключено, – нахмурившись, оборвал его Мик.

Рут ждала, что далл добавит что-то еще, но он развернулся и молча вышел из комнаты, избегая смотреть кому-либо в глаза.

От резкого хлопка дверью Лита, задремавшая в кресле у стихийного камина, проснулась и захныкала. С момента приезда Кая она все сильнее напоминала одичавшего зверька: тощая, насупившаяся, она теперь порой сторонилась даже Дарины. Только бросала на всех исподлобья злобные тоскливые взгляды.

– Ты тоже не веришь мне? – негромко спросил Кай, когда Дарина отошла к Лите. В его голосе Рут не услышала раздражения или обиды, одну только усталость.

– Я не знаю, – она не видела смысла лгать. – Я ведь почти не знакома с тобой и Дариной. Но многое отдала бы за то, чтобы еще раз увидеть Лайма живым и невредимым.

* * *

Очнувшись после нападения в доме Даи, Рут довольно скоро поняла: многое теперь придется принимать на веру, как данность. Иначе очень просто сойти с ума.

Почему-то неожиданно быстро стало казаться, что Мик был рядом всегда. Тоска и страх за Лайма – огромные, нескончаемые, но как будто притупленные всем случившимся и огромным расстоянием – словно на короткие секунды делались меньше рядом с Миком. Страх отступал.

Теплилось еще какое-то тревожное чувство в груди, которого она совсем не помнила по прошлой жизни. В нем был Огонь Мика – внезапно куда более близкий, чем была когда-то Земля Лайма. Творения могли не получаться, покрытые шрамами руки – не слушаться, но Стихия не исчезала.

Однако все попытки Рут поговорить с Миком о предложении Кая натыкались на упорное молчание с его стороны.

– Неужели тебе все равно, что именно он был на допросах Лики и Лайма? Представляешь, что он там мог вытворять? Ты правда не понимаешь, к чему это идет, Рут? – спросил Мик в один из дней. Он казался бесконечно утомленным всем происходящим.

– Не понимаю, – честно призналась Рут.

Мик присел рядом.

– Я тоже хотел бы им помочь. Но что, если это ловушка?

– Он уже здесь, Мик, – Рут почувствовала, как голос начинает ее подводить. – Тогда мы *уже* в ловушке.

– И это не было моим решением, – Мик на мгновение спрятал лицо в руках.

Рут попыталась представить его в другой, прошлой жизни. Незнакомца, не отягощенного вечной борьбой и сомнениями. Без шрама на лице, улыбающегося, в компании Мирры и Риккарда безмятежно шагающего по улицам Предела. Получалось плохо.

Начинать войну невыносимо сложно, но такому, как Мик, еще труднее было ее прекращать хоть ненадолго. Рут хотела пуститься в объяснения, что Кай не Аврум, не цензоры и не вся императорская армия, вместе взятые, с ним нет смысла вступать в этот бесполезный каждодневный бой, но встретила с грустным растерянным взглядом – и не сказала ни слова.

– Можно? – Рут осторожно взяла его за руку, не дожидаясь ответа. Шрамы привычно заныли.

Она выучила это творение еще в самом начале обучения при Дворах. На первый взгляд совсем простенькое, оно, однако, требовало определенной сноровки. Загвоздка была в искренности намерения – для творений подобное было необычно, их исполнение мало зависело от расположения творца. Это же получалось лишь в том случае, если творящий действительно желал для другого умиротворения и отдыха. Рут с радостью наблюдала, как веки Мика прикрылись, на лице застыло редкое спокойствие, напряженные плечи расслабились. От ее рук исходило зеленоватое свечение и мягкое, убаюкивающее тепло.

– Спасибо, – почти не размыкая губ, прошептал Мик.

– Тс-с-с...

Рут боялась, что не справится, собьется и в любой момент творение прекратится. Она очень давно не занималась целительством, и кисти начинали болеть.

– Сиди тихо. Долго все равно не получится.

1009 год от сотворения Свода,

**2-й день второго зимнего отрезка Элемента, недалеко от Илистой Заводи
Куница**

Куница стиснула челюсти. Она попыталась переключиться на пейзаж за окном, но глазу не за что было зацепиться. Только унылые голые деревья, растаявший снег и грязь. Земля Болот, изнанка Элементы. Путешествия в глубь страны редко можно было назвать увлекательными, а в эту пору они становились просто невыносимо тоскливыми. Как будто мир сделался аквакарточкой из испорченного аппарата, в котором остались только серая и коричневая краски.

Куница ощутила, как к подавленности и злости примешивается привычный страх. Она прикрыла веки и плавно выдохнула через нос. Все в порядке. Это отличное, надежное воздушное судно, одно из лучших во всей Эlemente. С ним ничего не случится. Уже скоро она очутится в Илистой Заводи.

Надо было срочно гнать от себя хандру. Куница попыталась еще раз перечитать ненавистный отчет, но знакомые строки плыли перед глазами. Фальшивка. Впервые в жизни с ней играли ее же методами – и победили. Желчный привкус этого поражения преследовал Куницу день и ночь.

Ей велели направить в Элинту самых сильных – и она не могла оплошать. Вожак был лучший, Куница знала, что безупречнее справилась бы только она сама. Но Аврум приказал оставаться в Пределе.

Она не сомневалась, что Вожак получил ее послание. И что в письме шла речь о целом отряде отменных бойцов, как и настаивал Император. И что Летящая почта полностью под ее контролем. Ничто не могло пойти не так. В конце концов, это была всего-то пара зеленых юнцов, решивших поиграть в мятежников.

А потом двое паршивцев каким-то чудом разнесли по кирпичикам целое здание и сбежали, лишив Куницу ее лучших людей. И Вожак почему-то – как выяснилось позже – взял с собой всего двоих творцов. Кто-то успел вмешаться и спутать все карты, подставив Куницу и дав соплякам уйти.

Удушливый спазм сдавил горло, когда она вспомнила свой последний отчет Авруму. Его надменный, равнодушный взгляд. Недоумение и презрение в голосе. Полный лживой заботы совет «передохнуть». Она не справилась, и ее исключили.

В носу противно защипало. Куница закусила губу, продолжая стискивать злосчастный отчет. В нескольких местах чернила расплылись, превратившись в мутную кляксу. Главный цензор должна была свергать, а не быть свергнутой. А теперь тот, кому она жизнью клялась служить, сомневается в ее силах и преданности. Стыд ощущался склизкой громадиной, давящей на грудь и мешавшей дышать.

Не в состоянии больше сопротивляться, Куница зажала рот рукой, глуша беззвучные рыдания. Все равно на судне была только она и пожилой равнодушный пилот, не сводивший глаз с пути. Бартен поплатится – и то, что он незаменимый хранитель бесценного Знания, его никак не спасет. Он обманул ее. В том, что это он был во всем виноват, Куница почти не сомневалась. Слишком много Бартен знал и слишком уж часто вставал у нее на пути в последние месяцы.

Куница попыталась глубоко вздохнуть и дрожащими руками достала из сумки носовой платок. Слякани, хранившиеся в другом кармане, мелодично звякнули. Как все же хорошо,

что для ядов существовали противоядия и ей когда-то удалось настоять именно на отравлении Майи, а не иных способах убрать ее с дороги. Чудесная предусмотрительность: теперь у нее будет не просто единомышленница, а еще и приманка, чтобы выманить Кая в Элементу. Что ж, все не зря.

Из носа текло – сейчас Куница сделалась противна самой себе. Но даже это оказалось не бессмысленно. Из души будто вымыло все лишнее – и вышедшая из берегов река вновь вернулась в русло, оставив лишь незамутненную, кристально чистую злобу. Прекрасное топливо, чтобы двигаться дальше. Они все еще поплывутся.

– Через десять минут садимся, – отстраненно сообщил пилот.

Куница постаралась как можно быстрее привести себя в порядок. К моменту посадки ее выдавали только покрасневшие глаза, но и это можно было списать на недосып. Как всегда строгая и собранная, с идеально прямой спиной, она коротко кивнула на прощание пилоту, отдав распоряжения по поводу обратного пути.

К поместью вела заросшая тропа. Ничего удивительного: Кунице мать Кая помнилась ленивой и распушенной, едва ли она стала бы всерьез заниматься хозяйством. Покрытая инеем трава в некоторых местах доставала почти до пояса.

Сам дом производил столь же гнетущее впечатление покинутости и упадка. Если бы не свет в окнах второго этажа, можно было бы легко решить, что в нем никто не живет. Каменные ступени крыльца обветшали и раскрошились, и Куница чуть не подвернула ногу, когда каблук попал в одну из расщелин.

На стук открыла сама Тина. Ее расплывшееся лицо исказилось от ужаса.

– Что тебе нужно? – вместо приветствия дрожащим голосом спросила она.

– Здравствуй, Тина, – Куница случайно задела перила и брезгливо сморщилась, отряхивая рукав от засохшей грязи. – Ты пустишь меня в дом? Я пришла одна.

Тина очевидно сомневалась и искала повод отказать непрошеной гостье. Наконец, отчаявшись и тяжело вздохнув, она чуть отступила.

– Заходи.

Во всем доме стояла неживая, неуютная тишина.

– Здесь кто-то еще есть? – Куница равнодушно осматривала темную неубранную прихожую. – Кроме тебя и Майи?

При упоминании Майи Тина вздрогнула.

– Только служанка-целительница, ухаживающая за Майей и родителями Баста. Они тоже очень плохи.

– Отлично, – на поникшем лице Куницы впервые за долгое время появилось отдаленное подобие улыбки.

1009 год от сотворения Свода,

5-й день второго зимнего отрезка Элемента, Элинта

Ирис

Сцена была маленькой и будто неряшливой. Ирис задумчиво провела рукой по ветхому, износившемуся занавесу, украшенному разноцветными вышитыми ромбами. Его явно нужно было хорошенько почистить, но никто, похоже, не собирался делать этого перед вечерним выступлением. Во всем театре остались только она сама и старый глухой сторож, уединившийся в своей подсобке с бутылкой настойки.

Марк, директор труппы, распустил всех без финальной репетиции. «Этой публике все равно, – уныло сказал он, оглядев грязный и душный зал. – Отдыхайте».

Ирис некуда было идти. Меньше всего ей хотелось влезть в какую-нибудь липкую историю в одном из местных скверных кабаков. Гулять было слишком холодно, а собственная маленькая комната просто сводила с ума. Письмо, тщательно запрятанное между коробок со

сценическими костюмами, казалось Ирис ядовитым насекомым, прокравшимся в ее вещи и отравлявшим все вокруг. Злосчастный конверт, обернутый, как ей объяснили, по себерийским обычаям пестрой тряпичей, притягивал к себе все мысли, вызывая невыносимую смесь паники и чувства вины.

Ирис прижалась щекой к занавесу, и в носу сразу же защипало от пыли. Только она во всем виновата, а никто даже и не догадывается. Марк – бедный честный Марк, такой талантливый, и молодой, и преданный – изводит себя мыслями о том, что же он сделал не так и в чем провинился, что прямо в разгар сезона их перевели из столицы в эту дыру. Труппа на глазах распадается и спивается. Мама с папой не находят себе места в Пределе. И никто даже подумать не может на нее, жалкую, дрянную трусиху.

Ирис сжала в руке шершавую плотную ткань. Теперь страх всюду преследовал Ирис, вне зависимости от времени дня или места. Ужас и стыд немножко отступили, когда пришло письмо из дома. Родители были в порядке, они живы и на свободе. Но это облегчение быстро прошло.

Куница пугала сильнее Бартена – хотя что могло быть хуже, преступнее, невыносимее принуждения выдать цензорам почти всех своих друзей и единомышленников? Ирис вспомнила холодную опрятность Бартена и удушающую вычурность его речей. А потом пустой, жестокий взгляд и тихий, бесцветный голос Куницы.



Ирис тогда спросила, что ей написать. Краснея, заикаясь, путаясь в словах. Она, не боявшаяся выступать перед огромной толпой! От этой мысли Ирис сделалась себе абсолютно отвратительна.

«Пиши что хочешь. Все, что нужно, ты все равно уже рассказала Бартену».

На вопрос, зачем тогда вообще нужно это письмо, ей никто так и не ответил.

Ирис мечтала потерять злосчастный конверт. Сжечь, утопить, закопать в землю, только бы он не достиг адресата. Лишь бы из-за ее трусости и подлости опять не страдали люди.

А в другие минуты Ирис почти удавалось убедить себя, что все это не всерьез. Раз все равно, что писать, то и само письмо – пустышка, глупая шутка, сумасшедшая причуда этой жуткой женщины.

Возможно, Ирис даже могла бы и вовсе его не отправлять?

Но, конечно, она не сумела бы так поступить. Вспоминала участливый, полный скрытой тревоги усталый взгляд мамы и большие натруженные отцовские руки. Если с родителями что-то случится по ее вине – мир окончательно рухнет и в жизни не останется никакого смысла.

Сегодня Ирис опять сделает все как нужно. Осталась лишь пара часов.

1009 год от сотворения Свода,

7-й день второго зимнего отрезка Себерия, Край Озер

Мик

Впервые человек в маске приснился Мику в ночь перед полетом в Элинту. Они стояли друг напротив друга в пустом пыльном помещении. Было душно, воздух вокруг будто раскалился от солнечных лучей, хотя Мик не заметил ни одного окна.

– Кто ты? – он даже сквозь сон чувствовал, что во рту совсем пересохло.

Человек молчал. Мик был уверен, что ему хорошо известна эта маска, но не мог вспомнить, откуда именно.

– Я тебя знаю?

Как это часто бывало во снах, Мик никак не мог разобрать внешность незнакомца: рост, фигура, Стихия – все казалось зыбким и мгновенно расплывалось, стоило попытаться ухватиться за что-то взглядом.

Человек в маске стоял неподвижно. Мик чувствовал, что разглядывают и его самого. Он поднес пальцы к лицу, и они коснулись гладкой, отполированной поверхности дерева. Тоже маска.



Незнакомец протянул руку, как будто собираясь совершить творение. Мика словно парализовало, он хотел спрятаться, защититься в ответ, закричать. Но мог только неподвижно стоять и наблюдать, как человек в маске призывал Огонь и мир вокруг превращался в языки пламени, в которых всему суждено было погибнуть.

На этом видение резко оборвалось, словно Мика кто-то разбудил. Он долго лежал, прислушиваясь к тишине. Мысленно позвал Рут, но она крепко спала. У Мика так и не получилось сомкнуть глаз.

В тот день думать о ночных кошмарах было совершенно некогда, Мик и не вспомнил ни о каких масках, но через ночь все повторилось. На этот раз Мик как будто даже сражался, но битва была заранее проиграна.

После третьего сна он все-таки решил поговорить с Рут.

– Маски? – слушая его, Рут толкла в маленькой ступке горько пахнущие маслянистые травы. – Как для ристалищ? У нас дома где-то хранились такие.

– Да. Конечно, и как я сам не догадался... Точно они.

– Странно, – Рут на миг отложила работу. – Мне ничего такого не снилось, это не общие, посланные Стихией видения, как это у нас с тобой бывает... Но я сейчас едва помню свои сны наутро. Может, эти маски попались тебе где-то случайно и ты запомнил?

– Здесь, в Себерии? – усомнился Мик. – Я и в Пределе-то их не то чтобы часто встречал. По-моему, в ристалищах уже сто лет никто не собирается.

– Вроде сны иногда приходят по очень странным законам, особенно те, в которых живет Стихия, ты же сам мне это и рассказывал, – задумчиво ответила Рут. – Сделать тебе травяной отвар, от которого исчезают ночные видения?

– Нет, спасибо, не нужно, – Мику почему-то не хотелось отпускать их, какими бы изматывающими они ни были. – Не так уж они и мешают. Просто странно.

Маски стали просачиваться в его мысли и днем. Мик вспоминал, рассуждал про себя, отчаянно пытался уловить какую-то ускользавшую мысль, но она никак не давалась. Он прикрывал на миг веки – от недосыпа под вечер в глазах появлялась резь, – незнакомец тут же тянул к нему руку, и больше всего на свете в эту секунду хотелось отшатнуться, но это никогда не получалось.

* * *

«Мик, ты слышишь меня?»

Вопрос сопровождался тихим счастливым смехом. Мик посмотрел в сторону, куда Рут указывала, и сам не сдержал улыбки.

Они не тренировались вместе слишком давно. Мик терпеливо ждал, пока Рут оправится после болезни и сможет нормально творить. Ему и самому требовалось время, чтобы свыкнуться с тем, как теперь звучит его Огонь вместе с Землей. Потом были те провальные попытки в Краю Ветра, о которых Мик вспоминал с мучительным стыдом.

Как и о битве в таверне.

Даже когда Рут окрепла, оказалось не так-то просто выкроить драгоценные часы, чтобы вновь учиться творить вместе. Каждый день Мика в лагере под завязку заполнили дела и заботы. Раньше тренировками заведовал Орион, и все было гораздо проще, но теперь на Мика свалились десятки новых обязанностей. Рут же вызвалась помогать в местной целительной и почти все время проводила там.

Еще хуже стало после неудачи в Элинте. В суматохе никто не заметил, что Стихия не послушалась их с Рут и творения вовсе не получились. Мик так и не решился ни с кем поговорить об этом, даже с самой даллой. Силы Кая и Дарины тогда хватило с лихвой, и это было самое главное. Но при мысли о том, что в нужный момент Стихия покинула его, отчаяние съедало Мика.

Откладывать до бесконечности было невозможно. Улучив момент, Мик собрался с духом и привел растерянную Рут на небольшую поляну у ручья, примеченную еще при первом осмотре окрестностей. Ручей петлял и убегал в чащу, к двум лесным озерам, давшим имя краю.

Настроиться на творения оказалось непросто, Мик все время отвлекался на собственные сомнения, страхи и сторонние мысли. Наконец он почувствовал, как их общая робкая Стихия потекла сквозь кончики пальцев и начала заполнять пространство.

Знакомое ощущение захватило Мика. Он просто позволил Стихии мягко литься без конкретной цели, не разделяя свой Огонь и Землю Рут. Это совершенно не пригодилось бы в бою, но так здорово было просто знать, что Стихия – вот она, здесь, рядом. Не покинула их, хоть в нужный момент и пришла не к ним, а к Каю и Дарине. Творение до того увлекло Мика, что он даже прикрыл глаза.

Из оцепенения его вывел тихий оклик Рут. Негромко посмеиваясь, она присела на колени перед маленькой проталиной, Мик опустился рядом. Его Огонь растопил снег и согрел почву, на которой, повинувшись Земле, среди пожухлой травы распустились нежные лиловые цветы. Снежинки, кружившие в воздухе, таяли, едва коснувшись теплой земли. Гибкие стебли склонялись под тяжестью соцветий, от которых шел тонкий и сладкий аромат. От чудесного островка посреди бесконечного снега так и веяло весенней свежестью и упрямой жизненной силой. Мику казалось, что он видел похожие цветы в материнском саду, но эти вроде были крупнее и пахли слаще.

Не задумываясь он протянул руку к стеблю, покрытому едва распустившимися бутонами, но Рут перехватила его запястье.

– Не нужно, – мягко сказала она. – Пусть лучше цветут столько, сколько отмерила им Стихия.

– Конечно, – Мик перевел взгляд на раздумывавшуюся даллу. – Они очень красивые.

– Вот только диктаторов ими не свергнешь, – улыбнулась Рут, поддразнивая.

– Не свергнешь, – серьезно согласился Мик. – Но есть ведь жизнь и помимо этого.

Он говорил как будто в первую очередь для себя самого, внутренне удивляясь таким словам. Рут, казавшаяся смущенной, бережно провела по тонкому зеленому листу.

– Есть, – наконец тихо согласилась она.

На ее прядке, выбившейся из-под шапки, дрожали снежинки, и было в этой картине что-то очень трогательное и незащищенное. Мику вспомнился тот вечер, когда Рут создала для него умиротворяющее творение. Ему, всю жизнь совершенно равнодушному к любым цветам, захотелось вдруг, чтобы это мгновение длилось как можно дольше.

Повинуясь неожиданному порыву, он обнял Рут за плечи и чуть притянул к себе – в груди разлилось приятное тепло. Но за спиной раздались чьи-то шаги, разрушив очарование момента. Мик и Рут тут же подскочили с колен и стали быстро отряхивать налипший на одежду снег.

– Привет! Орион сказал, что вы тут...

Мик недовольно вздохнул и повернулся. Ну конечно, кто же еще.

– И что вам надо? – вместо приветствия грубо ответил он, обращаясь к одному только Каю.

Рут нахмурилась. Дарина невольно отступила поближе к Каю, безучастно разглядывающему проталину.

– Орион сказал, что ты мог бы помочь нам потренироваться... – Дарина перевела беспомощный взгляд на Рут.

– Пусть бы сам и тренировал, раз ему так хочется, – Мика охватили горечь и досада. – Мы уже уходим.

– Мик, прекрати, – Рут недовольно покачала головой.

– Пойдем, – Кай потянул опешившую Дарину за рукав. – В другой раз.

Но Мика было уже не остановить.

– Неужели в Водных тюрьмах не научили всему, что нужно?

– Мик! – Рут казалась разочарованной.

Кай оставался самым спокойным из всех четверых. Он перевел на Мика затравленный взгляд.

– Я предпочел бы забыть все, что узнал в Водных тюрьмах, – негромко ответил он.

– И теперь я должен тебе посочувствовать? – не отступал Мик. Он уже жалел о том, что затеял эту глупую ссору, но не мог прекратить.

– Успокойся, а? – Кай тоже, кажется, начинал терять терпение. – Не вынуждай меня. Я видел ваш провал в таверне.

Мик буквально задохнулся возмущением и обидой. Ему впервые напомнили о мучительной неудаче, и Стихия уже обжигала кончики пальцев.

– Ну попробуй... – сквозь стиснутые зубы прошипел Мик.

– Да уgomонитесь вы! – Дарина встала между ним и Каем. – Seriously, вашей смерти хочет половина Элементы, а вы собираетесь поубивать друг друга в идиотской мальчишеской драке? После всего, что уже произошло? Мик, Кай?

Мик пристыженно опустил голову.

– Ладно, потренируемся вместе, если всем так уж хочется, – наконец пробурчал он, не глядя в сторону Кая и Дарины.

– Спасибо, – Дарина вымученно улыбнулась. – Нам, кажется, это правда нужно.

Тренировка поначалу шла непросто, чувствовались общая скованность и взаимное недовольство. Но постепенно напряжение стало спадать, все четверо втянулись, и вскоре Стихия наполнила небольшую поляну неровными отсветами. Боевые творения непрестанно сменяли друг друга, Мика полностью захватил азарт схватки с достойным противником. Кай и Дарина были куда сильнее, но хилые творения Мика и Рут внезапно оказались слаженнее. Мик едва успевал отбивать атаки, направляя при этом своих соперников и комментируя их действия. Пару раз Стихия Кая и Дарины чуть не вышла из-под контроля, но в целом получалось почти отлично.

– Пожалуй, на сегодня все, – Мик видел, что Рут уже начала уставать, да и сам в последний раз с трудом увернулся от мощного порыва ветра, сотворенного против его Огня.

– Славно, – Дарина раскраснелась и заметно оживилась. – Никогда особо не интересовалась боевыми творениями. Но это было здорово.

– Нам еще учиться и учиться, – ответил Мик.

Он хотел казаться серьезным, но на самом деле радовался как ребенок. Он скучал по таким тренировкам, по невероятному ощущению власти и наполненности, которое дарила Стихия. По простой и ясной радости осознания: у тебя что-то получается хорошо.

– Орион поможет, – робко предположила Рут.

– Куда меньше, чем хотелось бы, – теперь уже Мику не надо было притворяться. Пугающая тема вновь прокралась в его мысли. – Орион многое знает, но он всего лишь тренировал детей творцов в мирное время. Сведений, которые успел передать мне отец, тоже явно недостаточно. А нам предстоит вести за собой армию.

– В Элементе сейчас всего одна пара истинных даллов, – сказал Кай. – А это вдвое меньше, чем на нашей стороне.

Мик хотел ответить что-то грубое про излишнюю самонадеянность и про то, что он совсем не уверен, кто на чьей стороне, но поймал на себе настороженный взгляд Рут и промолчал. Хватит на сегодня сражений.

«Тебе непременно нужно на кого-то злиться, да? – Рут брела рядом по снегу, разглядывая следы, оставленные сбоку от тропы какой-то маленькой птицей. – Аврум далеко, война тоже, но кровь хочется пролить уже сейчас? Кому должно стать проще от этой вражды?»

Мик искоса посмотрел на даллу. Она не поворачивала головы.

«Никому», – Мик закрыл свои мысли и уставился под ноги. На самом деле он кривил душой, а Рут просто сказала то, что так и кипело внутри в последние недели: Мик был во многих тысячах шагов от того, кто причинил зло его семье, он едва выжил в предыдущей битве и не представлял, как выстоит в новой, и он зверски – до зубовного скрежета – устал бояться.

Ну как тут было не злиться?

* * *

В гостиной дома, где они теперь жили, уже горел стихийный камин. Только рухнув в старое продавленное кресло, Мик понял, насколько на самом деле устал. Он и забыл, когда в последний раз нормально высыпался, и сегодняшняя тренировка отняла куда больше сил, чем он думал. Рут, сидевшая в кресле напротив, тоже, казалось, вот-вот задремлет. Дарина и Кай разместились за небольшим столом у окна.

В комнату вошел посыльный и передал Дарине конверт, обернутый пестрой тряпицей.

– Что это? Тут, наверное, какая-то ошибка? – она недоуменно крутила в руках сверток.

– Письмо велено передать тебе, – посыльный явно немного робел. – Ты же Дарина? Мне сказали, что тебя можно найти здесь.

– Да, это я, – Дарина сжала сверток.

– Ну и славно. – Посыльный развернулся и вышел, не дожидаясь ее ответа.

– Странно как, – Дарина задумчиво провела рукой по бахrome, окаймлявшей ткань.

Кай проследил за этим жестом, нервно теребя в пальцах пуговицу на манжете. Он тянул так сильно, что нитка в итоге лопнула, и пуговица со стуком упала на пол. Кай вздрогнул, как от удара.

– По себерийскому обычаю письма часто заворачивают в такие отрезки: меньше риск, что чернила размажутся от снега, так что посыльные, должно быть, руководствовались теми же соображениями, – объяснил Мик, с любопытством наблюдавший за Дариной. – Тут как раз ничего странного. Но вот то, что кто-то шлет тебе письма сюда, – правда удивительно. Хотя, с другой стороны, с помощью мятежников мы постоянно обмениваемся почтой с империей в обход официальных каналов, так что...

– Это от Ирис! – радостно воскликнула Дарина, успевшая развернуть письмо и пробежать его глазами. И поторопилась добавить, поймав на себе недоуменные взгляды: – Она тоже из мятежников Четырех, узнала, что я жива, и нашла способ разыскать меня и написать. Их театр как раз сейчас в Элинте...

– Поразительное совпадение, – недоверчиво сказал Мик.

– И именно поэтому я вскрываю письмо при тебе? – вспыхнула Дарина. – На вот, хочешь, прочитай тоже.

Мик покачал головой и отвернулся. В конце концов, для кого-то из соратников Дарины отыскать ее здесь через Иста и правда было не слишком сложно. Стихия с ней, если это письмо прошло через все посты мятежников, там и правда, наверно, ничего страшного. От усталости мысли путались, и он не заметил, как стал клевать носом.

«Если уж теперь ты доверяешь Каю настолько, чтобы тренироваться вместе, то, может, и...» – Мик, начинавший дремать, не ждал услышать у себя в голове тихий голос Рут и невольно вздрогнул.

«Не уверен, что что-то изменилось», – Мик знал, к чему ведет этот разговор, и он ему заранее не нравился.

«Мик, пожалуйста, – Рут снова просила. – Тебе не кажется, что цензоры нашли бы более легкие способы расквитаться с нами, чем подвергать одного, возможно, из самых ценных своих творцов такой опасности? Если Кай действительно по-прежнему на стороне Аврума – и даже если Дарина тоже! – ты только представь, какие на них делаются ставки. Чем помещать их обоих в самый центр вражеского стана, проще прислать еще одну медвежью тройку». Мик и сам уже не раз думал об этом. Но он не мог рисковать людьми, отправляя их прямо в лапы цензорам. Сильные бойцы знали слишком много важной информации, которую мог заполучить император; слабые рисковали просто не выжить. О том, чтобы идти ему и Рут, теперь не могло

быть и речи: история с таверной показала, что Рут все-таки еще очень слаба. Мик каждый день молился Четырем, чтобы со временем она сумела восстановиться.

«Мик, мы можем увидеть Лайма и Лику. Спасти», – лицо Рут сделалось бесстрастным, она задумчиво смотрела на языки пламени. Но Мику слышались в ее словах слезы. И это было хуже самых громких рыданий.

И была еще Лика. Милая и родная Лика могла вновь очутиться в относительной безопасности, тут, рядом. Это действительно шанс вытащить ее из ужасов Водных тюрем. Ну и потом, Мик ведь столько сил и времени потратил на подготовку здешних солдат. Так пусть и покажут себя в деле! Это могло бы стать великолепной проверкой.

Мик прикрыл глаза, заранее зная, какое видение сразу же возникнет за сомкнутыми веками. Маски, маски, маски. Может, все-таки эти сны приходили не зря? Мик встал, склонился над Рут и легко провел рукой по ее волосам. Она ответила ему растерянным взглядом.

Мик вспомнил давние наставления отца. В конце концов, чтобы победить, надо еще уметь совладать и с собственными недовольством и страхами.

– Хорошо, – он повернулся к столу, за которым сидели Кай и перечитывающая письмо Дарина, – я дам тебе людей на спасение Лайма и Лики. Но ты тоже поедешь. И на каждом будет маска для ристалищ. Случись нападение, предатель будет вынужден снять ее.

– А как маски помешают предателю... предать? – Дарина интересовалась искренне и совершенно бесхитростно.

Мик подумал, что либо она великолепная актриса и тактик, либо все-таки на их стороне.

– Выходить с человеком в маске на мысленную связь не имеет ни малейшего смысла – особенно если рядом несколько других людей в масках, – объяснил он. – Они размывают облик, прячут Стихию, даже рост и фигуру не запомнить, и расположение людей становится зыбким, неясным. Ты просто не поймешь, с кем разговариваешь. Если постоянно меняться местами – а этим мы и займемся, – то хоть сто раз сообщай мысленно, где ты, это едва ли поможет. И тогда, чтобы уберечься, останется только снять маску. Ну, или если там будет засада – вынуждены будут напасть и на тебя тоже. И конечно же, ехать придется без Дарины – против вас обоих, если что, никто не выстоит. Только так, идет?

1009 год от сотворения Свода,

9-й день второго зимнего отрезка Себерия, Край Озер

Дарина

– Вот, – сказал Орион. – Я нашел то, что ты просил. Когда-то такие были в каждой семье...

Дарина завороченно наблюдала, как Мик аккуратно разворачивает грубую ткань и берет старые маски. Такие же хранились и в Лисьих Лапах, на верхней полке кладовой. Их доставали раз в год, чтобы смахнуть пыль, – использовать негде и незачем, а выкинуть не поднималась рука. На масках, что принес Орион, краска от времени облупилась, но на одной еще можно было различить узор, изображавший языки пламени. Воздух вокруг них будто слегка дрожал от накопленной Стихии – совсем как вблизи Рубежа.

– Теперь не хочешь поподробнее поделиться своими планами? – спросил Орион, не сводя с Мика пронизательного взгляда. – Есть и другие способы обезопасить бойцов, скрыв их лица и Стихии. Ты что-то задумал, так?

Дарину ужасно злила идея с этим глупым маскарадом. Очень сомнительный, по ее мнению, способ обезопасить людей или остаться неизвестными. Этими масками уже сто лет никто не пользовался, и одной Стихии было известно, как они вдруг могут повлиять на тех, на ком надеты, или на окружающих. И Дарина верила Каю: спасая их с Литой, он точно шел против воли Аврума. А еще она невероятно переживала за далла.

Возможно, будь среди спасаемых Флам, она бы рассуждала по-другому. Но сейчас больше всего хотелось прекратить все это любой ценой. Как ни крути, поездку в Водные тюрьмы сложно назвать безопасным мероприятием. Дарине было мучительно страшно за Кая: в Пределе его разыскивали и тюремная охрана, и городская стража, и собственный отец, желавший ему смерти. К тому же и другие люди, которых Мик отправлял на это дело, рисковали.

Она не знала, что именно Мик наплел Ориону, чтобы заполучить эти проклятые маски, но у него однозначно получилось добиться своего.

– Ничего я не задумал, – Мик остался невозмутим. – Спасибо большое, это как раз то, что было нужно.

– В былые времена за ношение масок без боя тебя могли казнить, – непонятно было, осуждает Орион или пытается предостеречь.

– В нынешние и без масок хватает желающих это сделать, – равнодушно пожал плечами Мик.

Дарина вздрогнула. Ей вдруг захотелось схватить эти маски и швырнуть в огонь. Как будто это могло что-то предотвратить.

Кай только и ждал одобрения его идеи лететь в Предел. Орион и Ярты восприняли план отправить людей на спасение Лики и Лайма не слишком радостно, но в итоге все же согласились.

Дарина не находила себе места все эти дни. Но разговаривать с даллом было бесполезно: один раз Кай выслушал ее доводы, как показалось, внимательно, покачал головой и коротко сказал, что уже обещал Мику и должен лететь. Она так и не поняла до конца, было в этом решении исключительно упрямое желание доказать что-то Мику или же к нему примешивалось нечто большее. Все ее последующие аргументы и просьбы разбивались о его молчание в ответ. Дарине хотелось выть от бессилия.

– Ристалища когда-то были великим местом, – задумчиво произнес Орион. Казалось, он не слышал ответ Мика и был мыслями где-то очень далеко. – Я еще мальчишкой успел застать угасание той эпохи. Осторожнее, Мик, – он поднял на собеседника уставший бесцветный взгляд. – Не заигрывайся с тем, чего не знаешь.

– Это просто маски, Орион, – если Мика и задело это предостережение, вида он не подал.

– Так почему все-таки ты вспомнил про ристалища? – спросил Кай, когда Орион попросился с ними и вышел из комнаты. – Зачем именно эти маски?

– Их проще всего достать, – объяснил Мик. – Даже тут во многих семьях они по какой-то причине хранятся. И по-прежнему, как ни странно, способны скрыть не только лицо, но и Стихию. Для боев это почему-то считалось важным: никакой Стихии творца, ничего, что говорило бы о его личности, – ни голоса, ни внешности, ни памяти о нем. Даже где стоит противник, так точно и не скажешь... Одни только боевые творения – и все. Как раз что нужно, правда? И еще... глупо, конечно. Но я видел сны – буквально каждую ночь – об этих масках, словно сами Четыре пытались натолкнуть меня на нынешнее решение, – он как будто смутился. – Ладно, не важно. А еще раньше считалось, что человек, победивший в такой маске, и за пределами ристалища продолжал находиться под защитой Стихий. Если побеждал.

– В Водных тюрьмах эти обычаи уж точно не чтут, – мрачно усмехнулся Кай. – Да и побеждать там некого. И некому. Я поведу вас тем путем, которым бежала Дарина. Там не бывает охраны, он выходит на заброшенный пустырь, и о нем почти ничего не известно.

Дарина вздрогнула от нехорошего предчувствия.

– Вот и славно, – согласился Мик. – А остальное и правда глупости. Главное, что лиц и Стихий не будет видно.

Кай кивнул, продолжая вертеть грубую деревянную маску.

Дарина исподтишка наблюдала за ним. С тех пор как далл оказался в Краю Озер, они не так часто разговаривали, но Дарина все время слышала его Воду – холодную, соленую,

морскую, пахнущую водорослями и штормовым ветром. Но если Стихия Кая звучала, то сам он почти постоянно был погружен в угрюмое молчание. Оставалось только догадываться, насколько непросто ему дается все происходящее.

В пляшущем свете камина было особенно заметно, как за последние недели заострились черты Кая и какие глубокие тени залегли у него под глазами. Дарине вспомнились все тайно пронесенные свертки с едой, без которых она давно была бы мертва, извилистые тайные коридоры Водных тюрем, где ему удалось спрятать ее от всех, спящую Литу на руках у Кая... Что-то в словах Ориона прочно засело у Дарины в голове, будто нужный ответ был совсем рядом. План вырисовывался все четче и казался пусть и безумным, но однозначно выполнимым. Кай ведь не бросил ее там, во мраке, холоде и ужасе.

Теперь ее очередь отплатить ему тем же.

1009 год от сотворения Свода,

10-й день второго зимнего отрезка Себерия, Край Ветра

Орион

Без детей – про себя Орион продолжал называть их именно так, хотя понимал, насколько это нелепо, – дом казался опустевшим и притихшим. Было слышно, как шумно хлопчет на кухне Лиля, но от этого почему-то делалось еще грустнее.

– Здравствуй! – Дая уже ждала его, как обычно, в своем любимом кресле у камина. – Я рада тебе.

– Да пребудут с тобой Четыре, Дая, – поздоровался в ответ Орион.

Он сел в кресло напротив и мгновенно ощутил навалившуюся усталость. С годами дорога давалась ему все труднее. В этот раз он до последнего не хотел уезжать. Интуиция чтящего подсказывала, что что-то не так, вот-вот случится непоправимое, но Дая в письме настаивала на личной встрече. Орион хотел было взять с собой Мика и Рут, но передумал. Ярту оставалось чему научить Мика, и Рут все еще была слабее, чем казалось.

– Как твои подопечные? – спросила Дая.

Орион ухмыльнулся про себя: «подопечные». Не «дети», но тоже не намного лучше.

Дая протянула чашку травяного отвара. Острый пряный запах, исходящий от питья, бодрил.

– Сложно сказать. Мик моя самая большая надежда, но Рут однозначно его больное место. И то, как Мик это воспринимает, просто недопустимо. А Кай с Дариной... – Орион задумался, осторожно подбирая слова. – В них скрыта мощная Стихия, но я, честно говоря, по-прежнему сомневаюсь, что им можно доверять. Ему, конечно же, в первую очередь. Но если Каю, являясь он предателем, еще и Дарину каким-то образом удалось переманить на свою сторону, и они просто выжидают – дела наши совсем плохи.

– Все, как я и думала, – невесело усмехнулась Дая. Она набрала в грудь побольше воздуха, прежде чем сказать следующую фразу: – Мы не можем выступить вместе с ними в борьбе за Знание, Орион.

На несколько секунд в комнате повисла гнетущая тишина. Даже шум с кухни почему-то исчез.

– О чем ты? – Орион старался казаться спокойным. Возможно, он и правда не совсем верно все понял.

– Война придет в Себерию куда раньше, чем мы с тобой думали. Я не могу отправить армию в Предел за Знанием, в то время как мои люди будут страдать и гибнуть тут. Я правда желаю смерти и режиму Аврума, и ему самому и разделяю боль за несправедливость в твоей стране. И мы оба оказались бы в выигрыше, пади завтра династия Тысячелетников. Но моя земля мне важнее.

– Это не одной тебе решать, – как Орион ни пытался сохранить самообладание, голос его подвел.

– Остальные главы краев уже согласны, Орион, – сказала Дая. – Собственно, это даже и не моя идея была. Мы не можем рассчитывать на истинных даллов, как бы нам ни хотелось. Ни Рут и Мик, ни Кай с Дариной не кажутся сейчас теми, ради кого можно рискнуть всем и выступить первыми против Предела. Я всегда дам им кров и приют и буду счастлива, если они решат сражаться на нашей стороне. И прекрасно пойму, если нет.

– Но... – Орион уже пришел в себя, и теперь его выдавала только мелкая дрожь в руках, державших чашку. – Но это же вечно обороняться вместо того, чтобы нанести действительно стоящий удар.

– Однажды мы уже оборонялись успешно. А вот ты можешь быть уверен, что Мик и Рут или Кай с Дариной приведут тебя к победе? Рут едва творит и через день забывает, кто она. А Кай еще вчера пытал твоих соратников в Водных тюрьмах.

Орион не был готов к этому разговору и не знал, что ответить.

– Армия пойдет за Яртом, Орион, – Дая встала и встала рядом. – Он – командир, готовящий их к бою, плечом к плечу с ними, день за днем. А кто из твоих людей в Элементе знает Мика? Кто он для них? В Себерии шепчутся о сыне Яха-Олы, но едва ли это сильно тебе поможет.

– Значит, пришла пора и империи узнать, кто такие Мик и Рут, – Орион сам не ожидал от себя такой решимости. – В этом ты права. Войскам нужны знамена и символ их единства. А еще лидер, ведущий к победе, – настал час его провозгласить. Я займусь этим.

– Прости, – сказала Дая. Было видно, что ей действительно жаль. – Что бы ты ни сделал, нашего решения это уже не изменит. Времени больше нет.

– Я понял тебя, – Орион склонил голову. – Значит, пусть будет так, и да поможет нам всем Стихия.

В этой бесконечной войне невозможно было противостоять еще и тем, кого считал друзьями. Он обязательно что-то придумает, просто не сейчас – позже.

1009 год от сотворения Свода,

13-й день второго зимнего отрезка Себерия, Край Озер

Дарина

Через несколько дней, накануне поездки в Предел, пришло неожиданное потепление, и в воздухе повис липкий дрожащий туман. Мик даже высказал опасения по поводу завтрашнего полета, но пилот уверил его, что все будет в порядке.

Дарина, присутствовавшая при этом разговоре, раздосадованно вздохнула. Поворачивать назад было поздно, но в глубине души она надеялась, что из-за погоды им все-таки не придется садиться на корабль и удастся каким-то чудом избежать ненавистой поездки.

Тремя днями ранее Дарина попробовала было вновь заикнуться, чтобы ей тоже лететь со всеми, но и Кай, и Мик были против. Другого ответа она и не ждала.

Творцов Воздуха часто полушутя называли высоколобыми, но Дарина никогда не относилась к этому всерьез. Люди ее Стихии создавали удивительные точные механизмы, собирали огромные архивы и библиотеки, выступали в театрах и частенько пробивали себе путь наверх с помощью сложных интриг. Хитрецы, кукловоды, эрудиты. Но семья Дарины никогда не была во всем этом заинтересована, они жили в вечной тени кулис, на окраине Дворов, в маленьких тесных мастерских, верные своему многолетнему труду. Что ж, видимо, пришло время оправдать принадлежность к Воздуху и до мелочей продумать изощренный, как хотелось верить Дарине, план.

Она бесшумно проскользнула к комнате, где жила Рут, молясь всем Четырем, чтобы никого не встретить. Дом уже погрузился в вечернее молчание, и Дарине казалось, что каждое ее движение слышно всем его обитателям.

«Войдите!» – раздался негромкий голос.

Дарине нравилась Рут. Она казалась спокойнее и рассудительнее своего далла и уж точно была куда мягче и тише. В ее Земле чувствовались живительные исцеляющие силы и удивительное умиротворение. Заметно было, как непросто Рут иногда приходится в Себерии после потери памяти, и все же, кажется, она отлично держалась. В мыслях даже мелькнул порыв рассказать о своих планах, но идею быстро пришлось отбросить.

– Дарина? – густые брови Рут удивленно поднялись. – Проходи.

– Я ненадолго, – Дарина растерялась.

Они впервые разговаривали один на один. Вдруг страшно захотелось расспросить Рут о том, как она справилась со всем свалившимся на нее, смирилась с мыслью об истинных даллах, приняла необходимость вступить в войну. Дарина только сейчас поняла, насколько похожими были их с Рут истории, и подумала, что они легко бы поняли друг друга.

– Я могу тебе чем-то помочь? – осторожно спросила Рут.

Погрузившись в свои мысли, Дарина не заметила, что молчание затянулось.

– Угу, – поспешно кивнула она. – Ты ведь занимаешься целительством? Я видела, как ты на днях давала одному бойцу обезболивающие травы. Я совсем не могу уснуть в последние ночи от волнения и подумала: вдруг у тебя найдутся какие-нибудь сонные отвары? Я так устала.

Дарине оставалось только надеяться, что история звучит достаточно правдоподобно. Она действительно очень вымоталась за последнее время и плохо спала. Дарина ненавидела лгать и чувствовала, как полыхают сейчас щеки.

– Конечно, – улыбнулась Рут. – Надо было прийти раньше и не мучиться. Я тоже места себе не нахожу, – призналась она.

Рут сняла висевшую на спинке стула холщовую сумку и быстро нашла в ней связку каких-то корешков. Немного подумав, добавила туда несколько темно-красных листьев.

– Вот, – она протянула все это подошедшей Дарине. – Нужно просто раскрошить эти корешки в стакан с теплой водой. Они тут же растворяются и почти не дают вкуса. И проспишь до самого утра. Только осторожнее, не перестарайся, иначе можно и сутки не встать. – Рут продолжала давать наставления, не заметив, как Дарина облегченно вздохнула. – А вот эти листья, ясенник, спасут от головной боли наутро – она часто бывает после сонного корня. Просто выпей за завтраком.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила Дарина.

Ей снова сделалось очень стыдно за то, что она обманывает это доверие и заботу. Но мысль, что корешки еще и не оставляют ни осадка, ни вкуса, мгновенно поднимала настроение.

– Отдыхай, – тепло улыбнулась Рут. На круглых щеках появились две ямочки. – Я всегда рада помочь.

– И ты отдыхай. Все будет хорошо, – Дарина выдавила из себя подобие благодарной улыбки. На душе было тревожно и противно.

Попрощавшись, она бесшумно выскользнула в полумрак коридора. Из большой комнаты теперь доносились негромкие голоса. Мик собрал последний совет перед завтрашним днем, как и рассчитывала Дарина.

Следующим пунктом плана было пробраться в небольшую каморку, примыкавшую к кухне, где обычно проводила день Лита. Так Эе, на чье попечение по-прежнему оставляли девочку, было проще за ней приглядывать. Дарина расправила плечи и зашагала увереннее: если кто-то заметит ее здесь, всегда можно будет сказать, что она просто шла забрать Литу в спальню.

Девочка молча сидела в углу, угрюмо перебирая какие-то не слишком чистые на вид тряпки. Дарина испытала привычный приступ вины. Ребенку не место в Краю Озер.

– Эй, – она тихонько окликнула Литу и опустилась перед ней на колени. Увидев, что Дарина пришла одна, Лита слабо улыбнулась.

– Спать? – она почти всегда говорила резко, короткими, рублеными фразами.

– Уже скоро, да, – Дарина осторожно убрала выбившуюся грязную прядь с лица девочки.

У кухарки хватало своих забот, и Лита почти весь день, если только Дарина не улучала время, была предоставлена самой себе. Вид у нее частенько был неряшливый и запущенный.

– Но сперва мне нужна твоя помощь. Сделаешь для меня кое-что?

Лита подняла на нее огромные удивленные глаза и неуверенно кивнула.

– Я сейчас выйду за дверь, – Дарина старалась говорить очень спокойно и чуть шутливо, как будто речь шла о веселой игре. – А ты подождешь чуть-чуть. И позовешь Эю, только не голосом, а мысленно, как ты умеешь, чтобы все услышали. Громко-громко, ладно?

– Эя заругается, – насупившись, ответила Лита.

– Нет. Ну или совсем немножко, – Дарина успокаивающе погладила ее по голове. – Я почти сразу же приду и заберу тебя. Это будет наш секрет, ладно?

Лита несколько секунд раздумывала, а потом опять неуверенно кивнула. Дарину в который раз за этот вечер охватил жуткий стыд. Снова она обманывает чужое доверие.

– Я скоро вернусь, – пообещала Дарина. – А ты немножко подожди и зови Эю.

Она выскочила за дверь и едва успела зайти за угол коридора, как виски пронзила боль, а уши заложило от визга. Она постаралась дышать как можно глубже, чтобы легче пережить эту пытку. Как только крик прекратился, на кухне с металлическим лязгом что-то грохнуло на пол и послышались громкие причитания и торопливые шаги. Дарина со всех ног бросилась туда.

Стихия сегодня была на ее стороне. Поднос с дымящимися травяными отварами и плошкой меда стоял на маленьком кухонном столике. На полу под ним лежал опрокинутый заварочный чайник, вокруг которого уже расплзлась лужа.

Дарина заметила одну кружку со сколотым краем и раскрошила туда все корешки, которые отдала Рут. Теперь главное было не перепутать чашки.

Едва она успела отдернуть руку от стоящей на подносе посуды, как в кухню из подсобки вошла недовольная Эя, ведущая за руку рыдающую Литу.

– Опять? – Дарина изо всех сил постаралась придать себе виноватый и возмущенный вид. – Я прибежала, как только услышала...

– Да, опять, – кухарка казалась очень раздраженной. – Меня наняли готовить, а не угомонять детей. Да еще таких, – Эя наградила Литу недовольным взглядом.

– Извините, – Дарина понимала, что этим двоим приходится очень непросто друг с другом.

«Это все равно лучше, чем смерть в Водных тюрьмах», – напомнила она себе.

– Я сейчас же заберу ее, – Дарина жестом позвала Литу к себе. И как бы между делом спросила: – Эти отвары и мед для тех, кто в гостинной? Я слышала их, когда шла сюда. Нам все равно почти по пути. Давайте я помогу? Вы, наверное, страшно устали за день, еще и хлопоты с Литой...

Заметно было, что Эе нечасто кто-то предлагал хоть в чем-то подсобить. Ее черты смягчились.

– Конечно, устала: на такую ораву готовить, – пробурчала кухарка, но видно было, что она довольна. – Отнеси уж, ладно.

– Спасибо за помощь с Литой, – Дарина улыбнулась.

– У меня и самой когда-то были несмышлениши, правда, все мальчишки, – вдруг вздохнула Эя. Взгляд ее затуманился. – Еще до войны... Иди уже, отвар стынет, – она резко оборвала сама себя и махнула рукой.

Выйдя в коридор, Дарина, с трудом удерживая поднос одной рукой, все же для надежности добавила в нужную чашку щедрую ложку меда. Так она надеялась окончательно перебить вкус сонных трав. Лита молча наблюдала за этими действиями, прижавшись к ее ноге, и Дарина заговорщически ей подмигнула.

В гостиной все были так увлечены обсуждением, что не сразу заметили их. Кай поднял недоуменный взгляд, но Дарина изо всех сил старалась казаться невозмутимой. Она нашла глазами Тару: именно она должна была лететь с остальными как мастер по связи. Значит, Мик не поменял своего решения, о котором неосторожно обмолвился при Дарине пару дней назад.

– Вот, я принесла отвар, – она старалась говорить как можно естественнее, будто каждый день этим занималась.

Мик вскинул брови, но промолчал, остальные приветствовали ее коротким кивком и вернулись к обсуждению. Дарина опустила поднос на стол, рядом с жуткими масками, и поспешила расставить чашки, чтобы никто не опередил.

Уходя, она заметила, как Тара, сморщившись, отпивает из стакана и поспешно отставляет его. Теперь оставалось только ждать.

* * *

Дарину буквально колотило от волнения, когда она привела Литу укладываться спать. Малышка заразилась беспокойством и долго ворочалась, прежде чем уснуть, но сегодня Дарине это было только на руку. Сжимая маленькую ладонь, она молилась всем Четырем, чтобы травы подействовали. Тара, как заблаговременно выяснила Дарина, ютилась одна в маленькой чердачной комнатке на втором этаже. Когда дом уснет, останется прокрасться к ней и забрать маску и форму. Даже Кай не поймет, что Дарине удалось пробраться на корабль. Надо будет только потуже обвязать косу черным платком, остальное сделает маска. Тара же проспит до завтрашнего вечера, если, конечно, ее не начнут будить раньше, заметив пропажу Дарины. Но это все будет уже не важно: воздушное судно к тому времени преодолеет полпути.

Она зажмурилась на миг посильнее, представляя, каким счастьем было бы отыскать Флама! Если бы только у нее была хоть одна возможность прорваться через глухоту Тюрем и выйти на мысленную связь с ним. Или у Кая имелись бы хоть малейшие представления, где может находиться его камера. Или же попросту случилось бы какое-то чудо... Но все это было несбыточными мечтами.

И все же Дарине надо лететь.

Она не оставит Кая одного. Не в этот раз.

* * *

Она позволила себе облегченно выдохнуть, только когда корабль взлетел у Рубежа. Теперь случайно выдать себя было уже не так страшно.

Получилось.

Все пять человек, отправленных Миком на задание, оделись в одинаковые черные рубашки, лица и Стихии спрятались под грубыми деревянными масками.

Дарина каким-то шестым чувством догадывалась, кто из четверых неотличимых друг от друга спутников на самом деле был Каем, но сказать наверняка было невозможно. Творение, которое хранила маска, и правда будто размывало сам воздух вокруг ее обладателя – и полностью похищало из сознания его образ. Дарина содрогнулась, представив, каково это – сражаться друг с другом в таких масках.

Чтобы заглушить парализующий страх перед Водными тюрьмами, Дарина старалась думать исключительно об отвлеченных вещах. Она перебирала в голове схемы воздушных

механизмов, в мельчайших деталях вспоминала чертежи и то, как с помощью сложных творений оживляла холодный металл. Дорога пронеслась удивительно быстро, несмотря на гнетущее молчание на корабле. Есть и пить сквозь узкие прорезы маски было не очень удобно, но Дарина слишком хорошо помнила, что такое настоящие голод и жажда, чтобы обращать внимание на такие мелочи. В середине пути ей даже удалось немного поспать.

Когда в окнах показались очертания башен Предела и стало ясно, что путь подходит к концу, один из сопровождающих подошел к пилоту и начал негромко что-то объяснять. Маска искажала голос до неузнаваемости, но Дарина была уверена, что говорившим был Кай. Значит, тогда, в самом начале пути, она не ошиблась.

Они высадились на неприметном пустыре, хорошо знакомом Дарине. Именно тут, покинув Тюрьмы, она впервые за долгие месяцы жадно глотала морозный, жгучий свежий воздух, прижимая к себе рыдавшую Литу, и никак не могла насмотреться на непривычно огромное небо над головой. От этих воспоминаний вдоль позвонков побежал холодок. Ей снова предстояло пройти тем же путем, только в обратную сторону.

Кай – теперь Дарина еще больше уверилась в том, что это он, – вышел чуть вперед и кивком пригласил остальных следовать за ним. Никто не проронил ни слова.

У входа в Тюрьмы Дарине уже казалось, будто сердце колотится у нее где-то в горле, и так громко, что остальные просто не могут не слышать. От ужаса она едва различала дорогу, перед глазами стали мелькать размытые черные пятна, так что ей оставалось только шагать вперед и надеяться не упасть.

Тюрьмы остались точно такими же, какими приходили к ней в кошмарах каждую ночь. И теперь она снова шла по этим мрачным коридорам за Каем, только на этот раз за спиной оставалась свобода и какая-то иллюзия безопасности. Дарина каждую секунду напоминала себе, что на этот раз она очень скоро выйдет отсюда, и только эта мысль, кажется, еще удерживала ее на ногах. И то, как один из сопровождающих оставлял на пути пометки – маленькие цветные камни на полу.

«Дар, я знаю, что это ты», – чужие слова прозвучали в голове так неожиданно, что она все-таки потеряла равновесие и оступилась. Шедший впереди Кай обернулся на ее вскрик и успел подхватить, не дав упасть, но потом тут же отвернулся и продолжил путь.

Дарина сочла за лучшее мысленно промолчать и сделать вид, что ничего не было.

«Прекрати. Я все равно достаточно сильно слышу твой Воздух. И ты споткнулась ровно в ту секунду, когда я обратился к тебе».

«Но маски... Ты все равно понял, что это я?» – скрываться дальше было бессмысленно.

Дарина запоздало подумала, что, если уж ей удалось даже сквозь маску разобраться, кто из остальных Кай, ему, вполне возможно, удастся различить и ее саму. Она раздосадованно закусила губу.

«Думаешь, их очень часто надевали истинные даллы? Видимо, наша связь сильнее. Я действовал наугад».

«Понятно», – от нахлынувшей неловкости Дарина не знала, что сказать.

«Мик, конечно же, не в курсе», – в тоне Кая не было и тени вопроса. Тепла или радости, впрочем, не было тоже.

«Не в курсе», – Дарина чувствовала себя совершенно разбитой.

«Не знаю, как и зачем ты это сделала. Но однозначно не стоило».

Дарину захлестнули раздражение и обида, которые она тщетно попыталась скрыть. Кай больше не обращался к ней мысленно, она тоже молчала.

Они так долго петляли по пустым заброшенным коридорам, что страх понемногу стал притупляться. Несколько раз Кай останавливался и замирал, будто прислушиваясь к чему-то и выбирая нужное направление.

Коридоры становились шире и чище, вдали замелькали смутные огни постов. Дойдя до очередного перекрестка, Кай сделал остальным предупредительный жест, заглянул за угол и только потом кивнул.

Стоило ступить за поворот, и на секунду Дарине показалось, что все древние творения, поддерживающие водный свод, разом обрушились – и она тонет.

Их уже ждут.

Предательство.

Дарина думала, что Кай сделает хоть что-то – закричит, укажет всем путь к бегству, сотворит боевое творение. Но он оставался неподвижным, глядя, как к ним быстро приближается высокая худая фигура. Дарине потребовалось несколько раз моргнуть, чтобы понять, что она действительно не ошиблась и не лишилась рассудка. Перед ними стояла Майя, отощавшая, с как будто изуродованным, неподвижным лицом, но, определенно, живая и в сознании.

События все больше напоминали один из дурных снов. Хотелось бежать, но ноги будто слились с тяжелым мокрым песком на дне. Дарина просто не могла пошевелиться, ощущая, как кто-то назойливо пытается пролезть в ее мысли сквозь маску. Остальные тоже замерли.

– А вот и вы, – голос Майи звучал абсолютно пресно, будто она повстречала скучных гостей в саду на своем празднике и теперь была обязана им что-нибудь сказать. Она по очереди оглядела каждого, чуть поворачивая голову, при этом ее зрачки оставались совершенно неподвижными, как у куклы.

Все будто наконец очнулись и принялись меняться местами, как и было условлено. Но Дарине эта идея уже казалась совершенно обреченной.

«Что они с ней сотворили...» – почти с сочувствием пронеслось в голове. Смотреть на нынешнюю Майю было жутко – столько в ней чувствовалось искалеченного и сломленного.

– Майя!

Дарина с ужасом наблюдала, как Кай шагает навстречу бывшей далле, срывая маску. Один из бойцов Мика вышел из оцепенения и поднял руку, приготовившись творить.

– А, ты, – Майя не проявила ни капли заинтересованности, повернувшись к Каю. – Не нужно. Взять, – она зачем-то щелкнула пальцами.

Дарина никогда не видела прежде медвежьих троек, только слышала рассказы Мика. «Медвежья, – как-то объяснила Вьюга, – потому что после встречи с ней вероятность выжить – как после столкновения с разъяренными медведями». Все трое были гладко выбриты и двигались словно голодные хищники. Во взглядах не читалось ничего человеческого.

– Майя, ты... – Кай не смог договорить.

Дарина даже не успела понять, где закончился ее собственный ужас и начался ужас Кая, ощущаемый каждой клеткой, когда один из медвежьей тройки, высокий костлявый старик, сделал рукой небрежный жест в их сторону, словно смахивая крошки с несуществующего стола. В мире остались только страдание, темнота и отчаяние.

– Нет! – Дарина не понимала, кричит ли Кай на самом деле, или это все происходит только у нее в голове. – Дар, пожалуйста! Услышь меня!

Она чувствовала, как кто-то заслонил ее собой, но перед глазами все плыло от слез, а пульсирующая боль в висках никак не давала собраться с мыслями. Ноги подкашивались, словно все силы разом покинули Дарину.

«Дар, пожалуйста, – искаженным от страха голосом просил у нее в голове Кай. – Мы должны дать им отпор. Они убьют нас всех. И мы никогда не сможем спасти остальных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.